

Читайте книгу, смотрите сериал!

НЭНСИ МИТФОРД

**НЕ ГОВОРИТЕ
АЛЬФРЕДУ**

Нэнси Митфорд
Не говорите Альфреду

«Издательство АСТ»

1960

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Митфорд Н.

Не говорите Альфреду / Н. Митфорд — «Издательство АСТ»,
1960

ISBN 978-5-17-134966-0

Фанни Уинчем давно привыкла к тихой, уютной жизни с любимым мужем – добродушным оксфордским ученым Альфредом. Но все меняется, когда Альфреда назначают британским послом в Париже. Светские интриги вместо мелких местных сплетен, общение с членами королевских семейств и представителями мировой финансовой элиты вместо людей науки... Положим, к такому еще можно привыкнуть. Как и к двоюродной племяннице, а теперь и пресс-секретарю Фанни – зоозащитнице Норти, выполняющей свои обязанности спустя рукава, зато пользующейся большим успехом у французских политиков. Но главным предметом беспокойства Фанни становятся ее своенравные дети, протестующие против традиционных ценностей родителей. И все это на фоне дипломатических проблем, которые требуют от новоиспеченного посла и его жены немало внимания...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-134966-0

© Митфорд Н., 1960

© Издательство АСТ, 1960

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Нэнси Митфорд

Не говорите Альфреду

© The Estate of Nancy Mitford, 1960

© Перевод. Н. Кудашева, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Глава 1

В тот день, которому предстояло стать переломным в моей жизни, я отправилась в Лондон поездом 9.07, запланировав сделать кое-какие покупки (кто-то рассказал мне о распродаже китайских халатов, подходящих для домашних обедов, поскольку «идеально маскируют все недостатки»). Я также собиралась повидать своего негодного мальчишку Бэзила – вечный объект беспокойства. Тетя Сэди умоляла меня заглянуть к дяде Мэгтью, а у меня на уме было нечто, что я давно хотела ему предложить. С одним у меня была назначена встреча за ланчем, с другим – за чаем. Помню, это была суббота, сокращенный учебный день у Бэзила – он готовился к поступлению в Министерство иностранных дел. Мы договорились встретиться в ресторане, затем отправиться в его апартаменты, которые прежде именовались «номерами», а теперь называются «квартирой с гостиничным обслуживанием». Моя идея состояла в том, чтобы немного прибраться там, что определенно стало бы не лишним, а кроме того, забрать кое-какую грязную одежду, выстирать ее или вычистить. Я взяла с собой большую холщовую сумку, намереваясь сложить в нее эти вещи – и китайский халат, если куплю его.

Однако – о боже! – думаю, никогда я не выглядела так глупо, как в этом китайском халате, с торчавшими из-под подола странно огромными коричневыми туфлями на низком каблучке, с волосами, всклокоченными от стаскивания с них шляпы, и с прижатой к груди кожаной сумкой – в ней было двадцать восемь фунтов, а я знала, что на распродажах воришки нередко выхватывают у людей сумки. Продавщица искренне посоветовала мне подумать, насколько иной вид я приобрету, если буду аккуратно *coiffée*¹, и *maquillée*², и *parfumée*³, и *manicurée*⁴, и *pedicurée*⁵, обута в китайские сандалии (соседний отдел, тридцать пять шиллингов шесть пенсов) и расположусь на кушетке при мягком свете. Ничего хорошего из этого не получилось – мое воображение было не способно нарисовать подобной картины. Мне было и жарко, и беспокойно. Я сорвала с себя халат и убежала от навязчивой продавщицы.

План в отношении Бэзила я разработала несколько дней назад, по телефону. Как все дети, он не может ни прочитать, ни написать письмо. Я беспокоилась за него даже больше обычного – в прошлый раз, когда Бэзил приезжал в Оксфорд, он был одет как Тедди-бой⁶, а его волосы, начесанные (или натянутые) на лоб и короткие сзади, придавали ему отталкивающий вид. Без сомнения, такова нынешняя мода, и само по себе это не является поводом для волнения. Но наедине со мной Бэзил признался, что перспектива дипломатической службы наводит на него скуку и он полагает, что сумеет найти своим способностям к языкам лучшее применение в какой-нибудь иной профессии. Были произнесены тревожные слова «позволяющей быстро разбогатеть». Мне не терпелось вновь увидеть его и задать несколько вопросов. Поэтому, когда Бэзил не появился в ресторане, это стало для меня ударом, хотя и не слишком сильным. Я пообедала там одна, а потом отправилась искать его «квартиру с гостиничным обслуживанием». По ислингтонскому⁷ адресу, который он мне дал, находился весьма старый дом, утративший свой былой социальный статус (а вскоре ему, безусловно, предстояло деградировать окончательно). У парадной двери имелось пять или шесть звонков с прикрепленными

---

¹ Причесана (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

² Накрашена (фр.).

³ Надушена (фр.).

⁴ С маникюром (фр.).

⁵ С педикюром (фр.).

⁶ Молодежная субкультура, возникшая в начале 50-х годов XX века в Великобритании. Тедди-бои носили брюки «дудочки» с высокой талией, длинные сюртуки с двойным воротником и узкие галстуки.

⁷ Ислингтон – район Большого Лондона.

рядом табличками. Возле одного звонка не было таблички, но кто-то нацарапал рядом с ним на стене слово «Бэз». Без особой надежды я нажала кнопку. Никто не ответил. Я продолжала, с перерывами, нажимать.

Пронырливый парень в таком же костюме, как у Бэзила, околачивался на улице, наблюдая за мной. Вскоре он приблизился ко мне и сказал:

– Если вы охотитесь за стариной Бэзом, то он уехал в Испанию.

Вот так. «Дождик, до свидания, улетай в Испанию».

– А когда вернется?

– Когда приедет за следующей группой. Старина Бэз теперь турагент, разве вы не знали? Присоседился к своему дедуле – некоторым людям везет с родственниками. Бэз гонит стадо в Коста-Брава, потом прячется, пока они прожигают там жизнь, а через неделю доставляет тушки обратно. Ну, во всяком случае, такова основная идея – он еще только приступил к работе.

Турагент... дедуля... Что парень хотел сказать? Не имеет ли этот разговор целью удержать меня здесь, пока не скроется из виду вон тот идущий по улице человек? Больше вокруг никого не было, а этот стилига, несомненно, вооруженный бритвой, явно нацелился на мою сумку и двадцать восемь фунтов. Я улыбнулась ему идиотской нервной улыбкой.

– Большое спасибо, – произнесла я, – так я и думала. До свидания.

Аппер-стрит находилась рядом, и очень скоро я уже сидела в старом автобусе № 19, неторопливо двигавшемся в направлении Пикадилли. Подобные ситуации всегда возникали, когда я пыталась повидаться с Бэзиллом. Да, конечно, надо поставить себя на его место. С какой стати ему должно хотеться провести свой субботний день с немолодой матерью? Какая скука для молодого человека, только недавно начавшего жить самостоятельно, наблюдать, как эта пожилая женщина мечется по его комнате и забирает с собой его костюмы. Однако ему все же было несвойственно так бездушно поступать с людьми. Что же могло случиться? Как это выяснить? Я оказалась в Лондоне в субботу, во второй половине дня, и мне было решительно нечем заняться до чаепития. Мы проезжали Национальную галерею, но я чувствовала себя слишком удрученной, чтобы посетить ее. Решила, что прогулка по парку улучшит мое настроение.

Периодически я подолгу жила в Лондоне в разные моменты своей жизни, однако никогда не была лондонкой, и эти места имеют для меня скорее литературное и историческое, нежели личное значение. Всякий раз, когда я туда приезжаю, меня удручают наблюдаемые перемены к худшему: потеря элегантности, утрата характера, исчезновение достопримечательностей и замена их плоскими и безликими стеклянными коробками. Сойдя с автобуса на углу Гайд-парка, я грустно смотрела на громадный отель на Парк-лейн, где раньше был Монтдор-хаус. Когда этот отель только построили, он был провозглашен триумфом современной архитектуры, но хотя простоял всего три года, уже успел стать обшарпанным, приобрести цвет старых зубов и, как ни странно, старомодный вид. Я двинулась в сторону Кенсингтонских садов. Кто-то сказал мне, что казармы Гайд-парка скоро должны снести, поэтому я попрощалась с ними. Раньше я к ним не присматривалась, теперь же увидела, что они массивные и добротны построены – красивое сочетание кирпича и камня. Разумеется, не шедевр, но значительно лучше, чем разрекламированный гараж, который займет их место. Я заметила, что Колодец исполнения желаний Венди⁸ переделан, и что случилось с деревьями на Брод-уок? Кенсингтонский дворец по-прежнему стоял на месте, хотя, вероятно, ненадолго, и эксцентричные старички все так же запускали парусные лодочки на Круглом пруду, который пока не был осушен, засыпан или превращен в автостоянку.

В половине четвертого с неба закапало. Дядя Мэттью не возражает, чтобы человек пришел раньше назначенного срока; я решила сейчас же направиться в его конюшни. Если он там,

---

⁸ Персонаж книги Дж. Барри «Питер и Венди».

то будет рад меня видеть, если нет – я смогу подождать его в маленьком укромном местечке, где стоят мусорные ящики.

Дядя Мэттью передал поместье Алконли своему единственному выжившему сыну Бобу Рэдлетту, оставив за собой домик в стиле эпохи Регентства на той же территории. Тетя Сэди была очень рада этому обмену, ей нравилось находиться ближе к деревне. Новый дом целый день был освещен солнцем, и ее забавляло приводить его в порядок. Действительно, свежеевыкрашенный и обставленный той немногой добротной мебелью, что была в Алконли, дом стал гораздо более привлекательным жильем, чем его предшественник. Но не успели они в него переехать, как мой дядя поссорился с Бобом – вечная история со старым королем и его приемником. У Боба имелись собственные идеи насчет охоты и управления поместьем, а дядя Мэттью яростно противился каждой инновации. Его зять Форт-Уильям, свояк Дэви Уорбек и те из соседей, что были с дядей Мэттью в хороших отношениях, предупреждали, что так и будет, но им посоветовали заниматься своим делом. Теперь, когда их пророчества сбылись, дядя Мэттью отказывался признавать истинную причину своей досады и убедил себя, что виновата во всем жена Боба – Дженнифер. Он выразил сильную неприязнь к ней – ее соседство, заявил он, невозможно терпеть. Бедная Дженнифер, совершенно безобидная, она желала всем угодить, и это было так ясно, что даже дядя Мэттью, когда его попросили объяснить причину собственной ненависти, оказался в растерянности. «Бессмысленный кусок мяса», – только и бормотал он. Бесспорно, Дженнифер была из тех женщин, смысл существования которых был очевиден лишь мужу и детям, но она определенно не заслуживала подобного отношения.

Разумеется, дядя Мэттью не мог оставаться в таком месте, где он был вынужден постоянно видеть ненавистную невестку. Дядя Мэттью снял квартиру в Лондоне, известную как «Бывшая конюшня», и казался довольным жизнью в городе, который прежде расценивал как «чумное место». Тетя Сэди осталась в своем славном новом домике, она могла встречаться с несколькими друзьями и развлекать внуков, не опасаясь вспышек гнева мужа. Дядя Мэттью любил собственных детей, когда они были маленькими, и весьма неприязненно относился к их потомству, а моя тетя любила внуков больше детей и чувствовала себя с ними непринужденнее, чем с их родителями.

Поначалу в «Бывшей конюшне» возникали разные неприятности. Там не было спальни для слуги. Обнаруживались проходящие работницы, но дядя Мэттью обзывал их шлюхами. Проходящие же работники пахли выпивкой и были наглыми. Наконец ему улыбнулась удача, и он нашел решение. Однажды, направляясь на такси в палату лордов, дядя Мэттью углядел на полу машины фунтовую банкноту. Выходя, он вручил ее водителю такси вместе с платой и, без сомнения, прибавил еще огромные чаевые (с чаевыми он был очень щедр), на что шофер заметил, что для него это большое неудобство, поскольку теперь он будет вынужден отвезти банкноту в Скотленд-Ярд.

– Не делай ничего подобного! – заявил дядя Мэттью, что было довольно странно для законодателя. – Никто о ней не заявит. Оставь ее себе. – Водитель горячо поблагодарил его и за чаевые, и за совет, и они расстались, посмеиваясь, как пара заговорщиков.

На следующий день дядя Мэттью, позвонив в местный приют таксистов (или, как он, вероятно, сейчас называется, «Павильон отдыха водителей»), чтобы заказать автомобиль для поездки в парламент, случайно наткнулся на того же самого шофера. Тот сообщил моему дяде, что хотя он вполне оценил здравый смысл его совета, но тем не менее все равно отвез банкноту в Скотленд-Ярд.

– Дурак набитый, – усмехнулся дядя Мэттью.

Он спросил у водителя, как его зовут и в какое время начинается рабочий день. Звали его Пэйн, и он выезжал на улицы примерно в половине девятого. Дядя Мэттью сказал, что впредь ему надлежит по выезде из гаража опускать свой флажок и двигаться прямо в «Конюшню».

– Я намерен приезжать на Виктория-стрит каждое утро к открытию универмага, так что это будет устраивать нас обоих.

Универмаг «Армия и флот» всегда, как магнитом, притягивал моего дядю. Тетя Сэди частенько повторяла, что хотела бы иметь пенни с каждого фунта, который он там потратил. Дядя Мэттью знал большинство сотрудников по именам и любил совершать свой моцион в этих пределах, заканчивая прогулку видом с моста, откуда отмечал направление ветра. Из «Конюшни» наблюдать небо было невозможно.

Вскоре Пэйн с моим дядей пришли к весьма удобному соглашению. Пэйн должен был высаживать его около универмага, возвращаться в «Конюшню» и проводить пару часов, выполняя там работу по дому. Затем должен был опять заезжать за дядей Мэттью и отвозить его либо в его клуб, либо домой. Иногда ему полагалось привезти дяде Мэттью горячий обед из столовой таксопарка, где, по словам моего дяди, водители такси чрезвычайно вкусно угощаются. (Я часто об этом вспоминаю, ожидая на резком ветру, когда один из них завершит свою трапезу.) В остаток дня Пэйну разрешалось заниматься своим ремеслом при условии, что в промежутке между пассажирами он будет звонить в «Конюшню» и проверять, не требуется ли чего. Дядя Мэттью платил ему по счетчику плюс чаевые. Он говорил, что это уберегает от лишних расчетов и все упрощает. Система работала отлично. Дядя Мэттью был объектом зависти коллег, из которых мало кто имел такой же хороший уход за собой.

Когда я шагала вдоль Кенсингтонского треугольника, ко мне подъехало такси, за рулем которого сидел Пэйн. Не обращая внимания на своего пассажира, который выглядел удивленным и недовольным, он перегнулся ко мне и доверительно произнес:

– Его светлости нет дома. Если сейчас вы направляетесь в «Конюшню», я дам вам ключ. Я должен забрать его светлость у больницы Святого Георгия, после того как отвезу этого джентльмена на Паддингтонский вокзал.

Пассажир в это время опустил стекло, отделявшее его от водителя, и яростно воскликнул:

– Послушайте, водитель! Мне нужно успеть на поезд!

– Очень хорошо, сэр, – ответил Пэйн, вручил мне ключ и уехал.

К тому времени, как я прибыла на место, шел сильный дождь, и я радовалась, что мне не придется сидеть на мусорном ящике. Хотя был июль, день выдался холодный. У дяди Мэттью в гостиной имелся небольшой камин, и я подошла к нему, потирая руки. Комната была маленькая, темная и уродливая – старый кабинет в усадьбе Алконли в миниатюре. Она имела тот же самый запах дровяного камина и сигарет «Вирджиния» и была наполнена, как и кабинет, многочисленными безделушками, большинство из которых мой дядя смастерил много лет назад и которые, как предполагалось, сделают его невероятно богатым. Здесь были пепельница из Алконли, зажигалки из Алконли, стеллаж для грампластинок из Алконли и ловушка для мух, выпиленная лобзиком в форме швейцарского шале. Эти безделушки вызывали в памяти мое детство и долгие вечера в Алконли с дядей Мэттью, слушающим свои любимые пластинки. Я со вздохом подумала, насколько легче приходилось в те дни родителям и опекунам – ни тебе Тедди-боев, ни бородатых битников, ни модных тусовщиков из Челси, ни светских львиц из богатых наследниц или, во всяком случае, не столь публичных. Хорошими маленькими детками были мы, похоже, если оглянуться назад.

Чайный стол был уже накрыт – серебряные блюда с лепешками и фруктовыми кексами, а также вазочка с джемом. В «Конюшне» вы могли рассчитывать на хороший чай. Я взяла «Дейли пост» и наткнулась на парижскую страницу Эймиаса Мокбара. Провинциалы вроде меня поддерживают связь с модной и интеллектуальной Европой в лице ее последнего оплота цивилизованного досуга благодаря стараниям этого самого мистера Мокбара, который четыре раза в неделю подробно излагает подноготную парижских жизней, романов и скандалов. Это идеальное чтиво для домохозяйки, имеющей возможность наслаждаться данным бытописанием без необходимости самой сталкиваться с человеческими ужасами, там описываемыми.

Она откладывает газету, более удовлетворенная, чем когда-либо. Сегодня, однако, эта страница была довольно скучной, состоявшей из домыслов на тему назначения нового английского посла в Париже. Нынешний посол, сэр Льюис Леон, похоже, должен был выйти в отставку после необычайно долгого представительства. Мокбар всегда изображал его как дипломатическое бедствие – слишком блестящего, светского и слишком-слишком профранцузского. Полагали, что его красивая жена завела чересчур много друзей в Париже. Читая между строк, человек понимал, что Мокбара среди них не было. Теперь, когда чета Леон покидала Париж, репортера обуряла необъяснимая нежность к ним. Вероятно, он берег свои боеприпасы для нового сэра Некто, которого доверительно именовал преемником сэра Льюиса.

Я услышала, как такси приближается к «Конюшне». Оно остановилось, дверца хлопнула, звякнул счетчик. Мой дядя, погромев монетами, вытащил из кармана несколько полукрон. Пэйн поблагодарил его и отъехал. Я пошла встретить дядю Мэттью, который медленно поднимался по ступеням.

– Как поживаешь, мое дорогое дитя?

Было приятно услышать «мое дорогое дитя». Я так привыкла ощущать себя матерью – бедной, покинутой, как было сегодня, оставленной есть свой ланч в полном одиночестве. Дядя Мэттью отправился в маленькую кухню, чтобы поставить чайник, приговаривая: «Пэйн все приготовил, осталось лишь заварить чай», а я посмотрела на себя в зеркало. Несомненно, даже в возрасте сорока пяти лет было нечто в моем внешнем виде, что делало слова «мое дорогое дитя» не такими уж нелепыми. Я сняла шляпу и причесала волосы, которые пружинились, как всегда, торчали дыбом и не были ни поблекшими, ни седыми. На лице моем просматривалось не так много морщин, глаза блестели молодо. Весила я столько же, сколько в восемнадцать лет. Было во мне нечто старомодное, вероятно, оттого, что большую часть жизни я провела в Оксфорде – такой же глухомани, как какой-нибудь Тибет, но, несомненно, определенное количество сильнодействующего средства вроде любовного приключения (боже упаси!) или смены обстановки еще могло преобразить мою внешность. Материал для этого был под рукой.

– Очень любезно с твоей стороны было прийти, Фанни.

В последнее время я редко видела дядю Мэттью и так и не привыкла находить его старым, то есть уже не в пору приятной и как будто бы бесконечной осени его жизни, а погруженным в самую середину зимы. Я знавала дядю Мэттью таким активным и неистовым, буйным и энергичным, что меня печалило видеть его теперь медлительным, в очках и глуховатым. Пока мы сами не достигнем среднего возраста, старость находится вне нашего опыта. Когда ты очень молод, то всякий взрослый кажется старым, тогда как по-настоящему старые люди, с кем мы соприкасаемся и кто не меняется в течение нескольких лет нашего знакомства (кратких для них, бесконечно долгих для нас), кажутся нам скорее иным биологическим видом, чем представителями нашей собственной расы. Но наступает день, когда те, кого мы знали в расцвете сил, приближаются к своему концу. Вот тогда мы понимаем, что такое действительно старость. Дяде Мэттью было всего лишь за семьдесят, но он не очень хорошо сохранился. Прошел по жизни с одним легким, другое было прострелено во время англо-бурской войны. В 1914 году в составе офицерского резерва, с первой сотней тысяч, дядя Мэттью прибыл во Францию и провел два года в окопах, пока не был освобожден от военной службы по инвалидности и отправлен домой. После этого он охотился, стрелял и играл в теннис, словно был полностью здоров. Помню, как ребенком я часто видела, что дядя Мэттью мучительно старается восстановить дыхание – вероятно, то была нагрузка на сердце. Он знал и печаль, что всегда старит людей. Пережил смерть троих своих детей, и эти трое были его любимцами. Сама потеряв ребенка, я понимаю, что ничего более ужасного не может выпасть на долю человека. Но мой ребенок, умерший в младенчестве, нанес не такую серьезную рану, какую оставил уход из жизни Линды и двух мальчиков, которыми дядя Мэттью так гордился.

Когда дядя вернулся с чаем, он выглядел будто какой-нибудь старый пастух с гор, пригласивший гостя к своему огоньку.

– Кого ты навещал в больнице Святого Георгия? – спросила я.

– Дэви, конечно! Я так и подумал, что ты не знаешь, что он там, а то бы тоже пришла. – Дэви Уорбек был моим дядей, вдовцом моей тети Эмили, которая забрала меня у моей собственной горе-матери и вырастила.

– Естественно, я бы пришла. Что с ним на сей раз? – В моем голосе не было испуга, когда я это спросила, – здоровье Дэви являлось его хобби, и он провел большую часть своей жизни в больницах и санаториях.

– Ничего серьезного. Похоже, у них имеется несколько замороженных человеческих запчастей, из Америки, разве ты не знаешь? Дэви приехал из деревни, чтобы осмотреть их. Говорит, было трудно понять, что выбрать, они все такие соблазнительные. Несколько ярдов толстой кишки, несколько славных кусочков мембраны, глаз (но куда он может его поставить? Даже Дэви будет выглядеть довольно странно с тремя глазами). Наконец он остановился на почке. Дэви целую вечность охотился за подходящей почкой – теперь ему ее подсаживают. Это должно дать шанс другим почкам. Ну скажи, кто еще подумал бы об этом? И все бесплатно, ты не знала? Мы за это платим – служба здравоохранения.

– Звучит ужасно... Как он тебе показался?

– Силен как бык и переживает лучшие моменты своей жизни. Доктора и медсестры так им гордятся – выставляют напоказ. Я спросил, не могут ли они дать мне новое легкое, но они и слышать об этом не хотят. Заявили, что меня это совсем доконает при том, в каком состоянии у меня сердце. Надо быть абсолютно здоровым, как Дэви, чтобы выдержать эти пересадки.

– Вкусный кекс.

– Из шоферской столовой – там у них сейчас повар-шотландец. Дэви рассказывал мне о новом муже твоей матери. Ты же знаешь, как Дэви любит быть в курсе событий, – он ходил на свадьбу.

– Как он мог! Разве сообщения в газетах не были ужасны?

– Я тоже так считал, но он говорит, не до такой степени, как ожидалось. Похоже, то была неделя, богатая другими событиями, на наше счастье, со всеми этими светскими львицами, посещающими лепрозории, и Докерами⁹, резвящимися в Монте-Карло. А то, что все-таки попало в газеты, было перепутано. Ты его видела, Фанни?

– Кого? Мужа моей матери? Нет, она почти перестала знакомить меня и Альфреда со своими женихами. Она ведь с ним сейчас за границей, не так ли?

– Да, в Париже, кажется. Ему всего двадцать два года, ты знала?

– Легко могу в это поверить.

– Дэви говорит, она рада-радешенька. Мол, надо отдать ей должное, она выглядела ни на день не старше сорока. По-моему, твой сын Бэзил был на свадьбе. Кстати, он их и познакомил.

– Боже! Неужели?

– Они оба из одной шайки, – произнес дядя Мэттью и добавил довольно грустно: – В моей молодости таких шаяк не наблюдалось. Впрочем, не важно, мы воевали. Когда я был в возрасте Бэзила, мне нравилась англо-бурская война. Если вы не ведете войн, то должны ожидать появления каких-то шаяк, это бесспорно.

– А мой двадцатидвухлетний отчим (ей-богу, дядя Мэттью, это уже даже не смешно. Подумать только, мальчишкам он приходится сводным дедушкой, вы понимаете?), он где-нибудь работает или он просто уголовник?

---

⁹ Имеются в виду бывшая танцовщица леди Нора Докер и ее третий муж сэр Бернард Докер, прославившиеся своими экстравагантными поступками. Получила запрет на въезд в Монако после инцидента, в котором разрывала национальный флаг этой страны.

– Дэви вроде упоминал, что он турагент. Вероятнее всего, именно поэтому они и отправились за границу.

Мне вспомнились слова того парня: «Старина Бэз теперь турагент... Присоединился к своему дедуле». Я задумалась. Что я скажу Альфреду, вернувшись домой?

– По крайней мере, звучит весьма респектабельно, – произнесла я.

– Не верь. Один человек в палате лордов рассказывал мне об этих турагентах. Бандиты – так он их называет. Берут у людей деньги и предоставляют им десять дней ада. Конечно, сама по себе поездка за границу для меня была бы адом. Так сколько их теперь насчитывается, Фанни?

– Чего насчитывается, дядя Мэттью?

– Сколько всего мужей теперь у Сумасбродки?

– По документам – шесть...

– Да, но это абсурд. Они не учитывают африканских – всего их по меньшей мере восемь или девять. Мы с Дэви пытались сосчитать. Твой отец и его лучший друг и лучший друг лучшего друга – это три. Потом переходим к Кении и тамошним знойным приключениям – тот француз, с самолетом, который выиграл ее в лотерею. Дэви не уверен, что она официально за него выходила замуж, но истолкуем сомнение в ее пользу – это четыре. Рол и Плаг – пять и шесть. Жуан – это семь. Молодой человек, который пишет книги о Греции, – сравнительно молодой, но достаточно старый, чтобы быть отцом нынешнему, – уже восемь, а этот новый молодчик – девять. Больше я никого не могу припомнить, а ты?

В этот момент зазвонил телефон, и мой дядя снял трубку.

– Это ты, Пэйн? Где ты сейчас – в доках Ист-Индии? ¹⁰Привези мне «Ивнинг стандарт», пожалуйста. Спасибо, Пэйн. – Он повесил трубку. – Он может отвезти тебя на станцию, Фанни. Полагаю, ты едешь поездом 6.05? Не возражаешь отправиться туда пораньше, чтобы Пэйн мог заблаговременно доставить меня на коктейльную вечеринку?

– Коктейльную вечеринку? – удивилась я. Дядя Мэттью ненавидел вечеринки, питал отвращение к иностранцам и никогда ничего не пил, даже бокала вина за обедом.

– Это новая тенденция – разве в Оксфорде их нет? Скоро появятся, помани мое слово. Мне они даже нравятся. Ты не обязан там ни с кем общаться, а когда приезжаешь домой, уже пора спать.

Робко, без особой убежденности, но чувствуя, что сделать это – мой долг, я задала вопрос, который был причиной моего визита. Я спросила дядю Мэттью, не хочет ли он увидеться с Фабрисом, сыном Линды, которого мы с Альфредом усыновили. Он учился в школе с нашим Чарли, они родились в один день, в одном и том же родильном доме. Линда умерла, а я выжила и покинула больницу с двумя младенцами вместо одного. Тетя Сэди иногда ездила в Итон и забирала оттуда мальчиков, но дядя Мэттью не обращал внимания на своего внука с тех самых пор, как тот был младенцем, во время войны.

– Нет, моя дорогая Фанни, благодарю покорно, – пробормотал он, смутившись. – Я не придаю большого значения детям других людей, как ты знаешь. Передай ему вот это, и пусть держится от меня подальше. – Перед дядей Мэттью лежал бумажник – он вынул оттуда пятифунтовую банкноту. Эта моя неудачная идея стала ложкой дегтя в бочке меда. Разговор прекратился, и я была рада, когда прибыл Пэйн с «Ивнинг стандарт».

– На счетчике восемнадцать шиллингов шесть пенсов, милорд.

Мой дядя дал ему фунт и две полукроны.

– Спасибо, Пэйн.

– Премного благодарен, милорд.

– А теперь, Пэйн, ты отвезешь миссис Фанни на Паддингтонский вокзал. Только умоляю, не мчишь с бешеной скоростью, нам не надо, чтобы она оказалась в кювете, мы все очень

---

¹⁰ Группа доков в восточном Лондоне, к северо-востоку от Собачьего острова.

любим миссис Фанни. Пока будешь там, сделай милость, зайди к Уайману, засвидетельствуй мое почтение мистеру Баркеру из книжного киоска и спроси, не может ли он дать мне клубок бечевки. Сразу возвращайся обратно, хорошо? Мы едем к лорду Фортинбрасу в Грум-плейс. Я приглашен к шести тридцати – опаздывать не годится.

Когда я прибыла в Оксфорд, то была поражена, увидев Альфреда, ожидающего меня на платформе. Обычно он не приходил встречать меня – я даже не сообщила ему, каким поездом поеду.

– Ничего не случилось? – взволнованно спросила я. – Мальчики...

– Мальчики? Милая, извини, если я тебя напугал. – И тут он сказал мне, что назначен послом в Париж.

Глава 2

Естественно, я мало спала в ту ночь. Поначалу в голове крутились вполне рациональные мысли; шли часы, и мысли становились все более и более фантастическими. Потом, когда я уже пребывала между бодрствованием и сном, мысли приняли характер ночного кошмара. Прежде всего, мне было радостно осознавать, что заслуги моего дорогого Альфреда наконец публично признаны и он получил блистательный приз (как мне казалось), который вознаграждает его за то, что он такой хороший и умный. Альфред даром пропадал на ниве пасторской теологии, хотя его лекции на богословские темы производили неизгладимое впечатление на тех, кто их слушал. Во время войны Альфред занимал пост государственной важности; после этого я вполне ожидала увидеть, как он находит свое место в этой сфере. Но (то ли от недостатка амбиций, то ли из-за отсутствия возможностей, я так толком и не разобралась) когда его военная работа завершилась, он тихо вернулся в Оксфорд и, похоже, был обречен остаться там до конца дней. Со своей стороны, я уже рассказывала¹¹, как, будучи пылкой молодой новобрачной, я нашла университетскую жизнь разочаровывающей. Это мнение я так и не изменила. Но я привыкла быть женой донна, я точно знала, что это понятие подразумевает, и чувствовала себя соответствующей требованиям, только и всего. Годы летели, ничем друг от друга не отличаясь, поколения юношей-студентов приходили и уходили. Я считала, что они так же похожи друг на друга, как и бегущие годы. Став старше, я потеряла интерес к компании подростков. Мои собственные дети все вылетели из гнезда: двое младших находились в Итоне, Бэзил... о, где же он сейчас и когда мне следует поделиться своими страхами с Альфредом? Бородатый Дэвид, старший, был доном в одном из краснокирпичных университетов¹² и жил в ногу со временем – во всяком случае, так он меня информировал. Я часто думала, что потребность женщины в детях почти полностью физическая. Когда они младенцы, их прижимаешь к себе, целуешь и шлепаешь и имеешь с ними буквально животную связь. Но когда они вырастают и покидают гнездо, они уже едва ли тебе принадлежат. Много ли мальчикам проку сейчас от меня? Что же касается Альфреда, оторванного от всех человеческих эмоций, то более чем вероятно, что, если бы мне было суждено исчезнуть, он бы просто ушел жить в колледж, где чувствовал бы себя так же счастливо, как и со мной. Что я вообще делаю на земле и как собираюсь заполнить тридцать с чем-то лет, которые мне, возможно, еще предстоит прожить до могилы?

Конечно, я знала, что подобное состояние ума распространено среди женщин среднего возраста и среднего класса, чьи дети вышли в мир. Его причины, как психологические, так и физиологические, хорошо изучены в наши дни, и также известен факт, что средства от этого нет. Чего нельзя излечить, то следует терпеть. Однако чудесное назначение Альфреда может оказать исцеляющее действие. Я часто мечтала оставить после себя след своего существования – ракушку на морском берегу вечности. И вот мне представляется шанс. Альфред может стать одним из тех полномочных послов, чьи имена вечно вспоминаются с благодарностью и уважением, и часть этой репутации будет принадлежать мне. В самом крайнем случае, теперь я получу маленькое, миниатюрное место в истории как один из обитателей знаменитого дома.

Все это было довольно мажорной, если не напыщенной полночной дребеденью. Но ближе к утру меня начали одолевать сомнения и страхи. Я мало знала о Париже и о дипломатической жизни, но понимала, что сэр Льюис и леди Полина Леон, которых мы должны будем сменивать, держали там блестящий двор, аналогичный великим посольствам прежних времен. Было общепризнанным, что леди Леон более красива, очаровательна и остроумна, чем любая другая

---

¹¹ Отсылка к роману Н. Митфорд «Любовь в холодном климате».

¹² Краснокирпичный университет – университет, основанный в конце XIX – начале XX вв.: здание обыкновенно строилось из красного кирпича; университет второго разряда, то есть любой, кроме Оксфордского, Кембриджского и Лондонского.

женщина в свете. Нелепо полагать, что я сумею с ней конкурировать, – как я смогу хотя бы просто приемлемо заполнить ее место? У меня не только нет никакой подготовки и знания дипломатии, но имеются и недостатки. Я, например, не могу запомнить малознакомых людей, будь то их имена или их лица или вообще что-либо о них. Я плохая домохозяйка. Когда я впервые попала в Оксфорд молодой женой, то решила не быть такой, как жены других донов в этом отношении; начать с того, что мои званые обеды станут значительно лучше, чем у них. Однако таланты моей дорогой домработницы миссис Хизери никогда не превышали определенного уровня, у меня было четверо голодных мальчишек, уминавших витамины, и муж, который не замечал, что ест. Когда отменили продовольственные карточки, пища других людей улучшилась, моя – нет. Я не возглавляла крупное домохозяйство и не имела более трех слуг (одна из них – приходящая). Какова окажется «домашняя» сторона посольства, плохо управляемая мной? Приезжающие с визитом министры или, хуже того, члены королевской семьи станут жаловаться, и это будет скверно для Альфреда. Моя одежда? Лучше уж накрыться покрывалом. Итак, со своей рассеянностью, простой едой и странной одеждой я стану объектом насмешек в дипломатической жизни, позорищем и анекдотом.

Мне необходимо было хоть немного поспать и забыть обо всем этом. Да, я стану посмешищем. Я начала воображать себя в несуразных ситуациях. Этот глупый обычай всех целовать – совершенно новый после войны. Мои бывшие студенты, навещавшие меня во время учебы, и другие друзья-мужчины целуются со мной при встрече; это сделалось машинальным жестом. Например, прием в каком-нибудь официальном месте, очень пышный и значительный. По чистой рассеянности я целую президента республики.

Я страдаю от слабых лодыжек и иногда неожиданно опрокидываюсь. Когда подобное случается на Терл-стрит в Оксфорде, это полбеда; меня поднимает какой-нибудь дружелюбный молодой человек, я иду домой и меняю чулки. Мысленная картина: Триумфальная арка, военный оркестр, гирлянды, телевизионные камеры. Хлоп – я шлепаюсь на землю и гашу Вечный огонь. Нет, мне сейчас просто необходимо избавиться от этих полукошмаров, подрывающих мой моральный дух. Я встала около окна и, наблюдая, как первые лучи солнца падают на колледж Крайст-Черч, позволила себе основательно озябнуть. Потом отправилась обратно в свою теплую постель и провалилась в сон без сновидений.

Утром, когда я поведала Альфреду некоторые из этих пугающих мыслей (опустив, однако, мысли о поцелуях и падениях), он произнес:

– Я не хотел, чтобы ты, лежа в постели, накручивала себя, и поэтому специально не упомянул вчера вечером о твоей стороне этого дела. Я рад, что Филип в Англии, и попросил его прийти и пообедать с тобой сегодня. Ты получишь возможность обсудить все это с ним и успокоиться. А мне нужно уехать на несколько часов в Лондон.

– Конечно, ведь мы найдем в Париже Филипа – я совершенно забыла, что он там. Какое утешение!

– Да, и для меня тоже большое утешение. Кстати, не забывай, что светская сторона совершенно неважна. Я говорил тебе вчера вечером, что моя миссия рассматривается как весьма серьезная; уравновешенность и безопасность – вот ее основные пункты. При Леонах в чести были *ci-devants*¹³, я же намерен сосредоточиться на политиках и людях, имеющих реальное значение. Пожалуй, твои, осмелюсь сказать, наиболее взбалмошные родственники могут потерять охоту наносить нам слишком много визитов.

– Да, дорогой, я совершенно согласна. Но мальчики...

– Мальчики! Ну конечно, тот дом будет и их домом всякий раз, как они захотят приехать.

Ясно, что сейчас был неподходящий момент упоминать о моих тревогах по поводу Бэзила. Но так или иначе, вскоре начинались каникулы, и предполагалось, что Бэзил пре-

---

¹³ Бывшие (фр.).

рвет подготовку к экзамену, чтобы поработать самостоятельно в каком-нибудь тихом месте. Я решила подождать и посмотреть, что произойдет.

Филип Клифф-Макгрейв появился в моей гостиной в час дня. На десять лет моложе меня, он был моим любимцем среди всех студентов, которые прошли, так сказать, через наши руки. Из-за войны он поступил в Оксфорд поздно, уже не юношей, а мужчиной. Он был, как я думаю, слегка влюблен в меня, и я могла бы легко ответить взаимностью, если бы пример моей матери Сумасбродки навсегда не отвалил меня от подобных приключений, которые, как я заметила, начинаются весело, а заканчиваются печально. Однако мы прошли по приятной тропинке нежной дружбы, и я продолжала тепло относиться к нему. Филип был самым элегантно одетым мужчиной из всех, кого я знала, и одним из тех людей, которые, кажется, родились со светскими манерами. Альфред считал его блестящим.

– Ну! – воскликнули мы оба, глядя друг на друга и смеясь.

– *Madame l'Ambassadrice*¹⁴. Слишком потрясающе, чтобы выразить словами. О премнике сэра Льюиса ходили самые разные слухи, но реальность определенно удивительнее вымысла. Подумать только, на сколько званых обедов меня пригласят, когда выяснится, что я вас знаю!

– Филип, я в ужасе!

– Разумеется. Они сожрут вас, все эти роскошные женщины. Во всяком случае, попытаются это сделать вначале. В перспективе, уверен, вы себя защитите.

– Вы несносны – Альфред сказал, что вы меня обнадежите.

– Да, да, я просто дразнюсь.

– Будьте осторожны – я в неважном состоянии. Столько всего мне нужно у вас спросить. С чего начать? Леоны знают?

– Что они уезжают? Да.

– Я имею в виду, про нас?

– Когда я уезжал, три дня назад, ему было сказано, что существует такая возможность. Думаю, они останутся довольны. То есть для нее станет ударом покинуть посольство, но если необходимо передать свое место кому-то, она бы предпочла, чтобы это был кто-то вроде вас.

– Кому-то скучному?

– Кому-то непохожему. И самое главное, не жене коллеги. Вы не представляете, какова ревность между женами на этой службе. Что же касается сэра Льюиса, он типичный карьерный дипломат. Презирает непрофессионалов и уверен, что Альфред превратит эту работу в дьявольский беспорядок. Это, конечно, значительно смягчит ему удар расставания со службой.

– Филип, скажите мне, почему они выбрали Альфреда?

– В соответствии со своими хитрыми уловками.

– Так что же нас ждет?

– Не надо нервничать. Я только хочу сказать, что когда война благополучно закончилась, Антанта справилась, союзники были влюблены друг в друга – не правители, а обычные люди. Все были заняты собственными внутренними проблемами. Тогда сэра Льюиса послали пленять французов. Как он в этом преуспел – они стали совсем ручными! Теперь же, когда мы входим в бурные воды, они посылают Альфреда, чтобы озадачить их.

– А он их озадачит?

– Точно так же, как и остальных. Вся его карьера была одной длинной загадкой, если вдуматься. Что он делал с Эрни Бевином¹⁵ во время войны? Вы когда-нибудь это понимали? И никто не понимал. Вы знали, что он завтракает на Даунинг-стрит, 10, наедине с премьер-мини-

---

¹⁴ Госпожа жена посла (*фр.*).

¹⁵ Британский профсоюзный руководитель и государственный деятель.

стром, по крайней мере раз в неделю? Держу пари, что нет. Или что хорошо информированные люди считают его одним из тех, кто действительно правит страной?

– Альфред очень таинственный, – произнесла я. – Я часто думаю, что именно поэтому я с ним счастлива. Гладкое стекло такое скучное.

– Мне интересно увидеть его за работой. Нет сомнения, что он будет держать Буш-Бонтана и его честную компанию в состоянии хронической растерянности, что может стать весьма полезным.

– Кто такой Буш-Бонтан?

– Моя бедная Фанни, вам следует подучить политическую ситуацию. Определенно, вы о нем слышали – он французский министр иностранных дел.

– Они часто меняются.

– Да, но есть те, кто возрождается, как солдаты в «Фаусте», и он один из них.

– Я знаю Мендеса-Франса.

– Только потому, что в нем есть слово «Франция». Все в Англии о нем слышали, поскольку о мистере Мендесе-Франсе распространяется «Дейли пост», что делает его имя легким и приятным.

– Я знаю о генерале де Голле.

– Да, но вы можете забыть о нем, по крайней мере на данный момент.

– Возвращаясь к Леонам. Она очень не хочет уезжать?

– Все жены послов не хотят. Они обычно кричат: «Encore un instant, M. le Bourreau»¹⁶. Бедная Полина, да, она в отчаянии.

– И вам будет очень жаль потерять ее?

– Да. Я ее обожаю. В то же время, Фанни, поскольку вы идете ей на смену, я буду на вашей стороне.

– А здесь должны быть стороны? Должны ли мы быть врагами?

– Никогда не бывает иначе. Лучше вам знать порядок. К тому времени, как вы приедете, ее уже торжественно проводят на Северный вокзал. Весь Париж соберется там – фотовспышки, цветы, речи, слезы. Всему миру придется услышать – не напрямую от нее, а из разных источников, – какие мерзавцы вы с Альфредом. Полагаю, что я буду плыть против течения – но не до изнурения. Несколько вялых гребков, потому что все быстро поменяется. Дело в том, что пока вы не приедете, парижское общество будет проклинать ваше имя и желать вам смерти, но с того момента, как вы переступите порог посольства, вы станете совершенно восхитительны. Вскоре мы услышим, что Леоны никогда по-настоящему не ценились в Париже.

– А вы циничны!

– Такова жизнь. Имейте в виду, что их друзья будут продолжать их любить, давать в их честь званые обеды, когда они вернутся, и так далее. Но людей всегда привлекают власть и высокая должность. Такое учреждение, как посольство, к которому тяготеют правители земные, важнее для его обитателя, чем самое красивое лицо, самое доброе сердце, самая старая дружба. Полно вам, Фанни, я полагаю, вы достаточно знаете свет, чтобы в этом разобраться. В данном случае вы та, кто оказывается в выигрыше. Скоро все будет выглядеть так, словно Полина там никогда и не была хозяйкой – Полина Леон. Полина Боргезе никуда не уезжает, она, так сказать, сидящий арендатор¹⁷.

– Почему Полина Боргезе?

– А это был ее дом, знаете ли. Мы купили его у нее, с мебелью и всем прочим, после Ватерлоо.

---

¹⁶ «Еще минуточку, господин палач» (*фр.*). Фраза приписывается Жанне Дюбарри, официальной фаворитке французского короля Людовика XV.

¹⁷ Арендатор, который уже занимает помещение, особенно при смене владельца.

– Вы меня не слишком обнадежили. Есть еще кое-что, Филип, – одежда. Конечно, всегда имеется маленький бутик Эллистона, но он такой дорогой.

– Я бы не беспокоился. Как только вы туда прибудете, сразу же договоритесь с одной из местных портних. Разве вы недостаточно состоятельны сейчас, Фанни?

– Да, сейчас мы богаче. Мой отец оставил мне довольно приличное наследство – я была удивлена. Но из-за мальчиков и многого другого я никогда не считала, что мне надо тратить деньги на себя.

Затем Филип рассказал мне об управлении посольством, и я почти успокоилась. По его словам, этим делом занимаются главный аудитор и домоправитель.

– Вам только понадобится секретарь по связям с общественностью – какая-нибудь милая скромная девушка, которая не сразу выйдет замуж.

– Я размышляла об этом. У моей кузины Луизы Форт-Уильям есть такая – Джин Макинтош.

– Да, я ее знаю. Не сгусток энергии, верно? Между прочим, кого, вы думаете, я встретил на коктейль-приеме вчера вечером? Лорда Алконли.

– Не может быть! Что он там делал?

– Он стоял спиной к стене, с большим бокалом воды в руке, сверкая глазами. Остальные члены компании сбились вместе, как стадо оленей, со старым львом невдалеке. Это было впечатляюще – не так уж приятно.

Назначение Альфреда было хорошо воспринято достойными доверия газетами, отчасти, без сомнения, потому, что многие из их сотрудников учились в Оксфорде и знали его по университету. «Дейли пост» была настроена резко против. Эта маленькая газета, когда-то считавшаяся подходящей для чтения в классе, затем была куплена конкурентом по прозвищу Старый Ворчун и теперь отражала его предвзятые воззрения. Она кормилась скандалами, бедами и всеми видами человеческого несчастья, выставляемыми с неким злобным ликованием, которым публика, вероятно, наслаждалась, ведь чем более жестоко «Дейли пост» терзала своих жертв, тем сильнее поднимался ее тираж. Ее политика, если можно сказать, что таковая у нее имела, заключалась в том, чтобы быть против зарубежных стран, учреждений культуры и существующих правительств, консервативных или лейбористских. Самое главное – она питала ненависть к Министерству иностранных дел. Лейтмотив их песни в данном случае был таков: что толку в содержании дорогостоящего внешнеполитического ведомства, которое не может представить на пост посла в Париже обученного человека, а вынуждено обращаться к профессору пасторской теологии.

Французские газеты держались дружелюбно, разве что растерянно. «Фигаро» выпустила передовую статью члена Французской академии, в которой слово «пасторская» было умышленно неправильно истолковано, а слово «теология» вообще бойкотировалось. Здесь лейтмотивом стал рыцарь на белом коне (Альфред), который приезжает к пастушке в ее саду (Марианне¹⁸). И никакого упоминания о жене и сыновьях рыцаря (Альфред был теперь рыцарем – он побывал в Лондоне и видел королеву).

Я получила много поздравительных писем, восхваляющих Альфреда и меня, рассказывающих, как хорошо мы подходим для работы, которую нам надлежит выполнять, а потом заводящих разговор о каком-то ребенке, или друге, или протеже автора письма, желавшем присоединиться к нашему ведомству в любой должности. Луиза Форт-Уильям, всегда практичная, опустила похвалы и предложила мне Джин. Альфред знал эту Джин, она училась в Оксфорде, и не причислял ее к моим взбалмошным родственникам. С его одобрения я написала и пригласила ее быть нашим пресс-секретарем.

---

¹⁸ Символ Французской республики, а также прозвище Франции с 1792 года.

Коллеги Альфреда по Оксфорду и их жены обратили мало внимания на нашу новость. Меня это не удивило. Никто из тех, кто не жил в университетском городе, не имеет представления о его отстраненности от мира. Доны живут, как затворники в монастыре, вне времени и пространства, занятые лишь кругом своих повседневных обязанностей; послы в Париже не входят в сферу их интересов и не волнуют их ни в малейшей степени. Стать директором колледжа или деканом показалось бы им более выдающимся достижением. Да, должна признать, были богатые, искушенные в жизни доны, чьи жены одевались у Диора, и они знали о Париже и посольствах – крохотное меньшинство на задворках университета во всех смыслах. Они даже не жили в самом городе, как мы. Они считали Альфреда занудой, он игнорировал их; их жены игнорировали меня. Эти «диоровские» доны были недовольны нашим назначением, они долго и громко смеялись, как информировали нас хорошие друзья, над самой этой идеей и отпускали остроумные шутки в наш адрес. Без сомнения, они думали, что эта честь больше подошла бы им. Как же я была с ними согласна!

После двадцати пяти лет университетской жизни мое мироощущение было более схоже с мироощущением донов монашеского типа, чем «диоровского»; но, хотя у меня имелось мало непосредственного мирского опыта, я знала, что представляет собой большой свет. Моя кузина Линда была с ним в контакте, и моя мать всегда являлась его частью, даже во время самых диких своих чудачеств. Леди Монтдор видела реальную жизнь сквозь розовые очки, однако знала свет и его принципы, как свои пять пальцев. Недаром я была при ней кем-то вроде фрейлины. Как бы мне хотелось, чтобы она была жива и увидела, что принесла мне судьба, – подобно «диоровским» женам, она стала бы глумиться и не одобрять, но в отличие от них, без сомнения, находилась бы под впечатлением.

Наш летний отпуск прошел как обычно. Мы с Альфредом поехали погостить у Дэви Уорбека, в Кенте, и нанесли один-два других визита. Наших младших мальчиков, Чарли и Фабриса, с нами почти не было. Их пригласил юноша по имени Сигизмунд де Валюбер, учившийся с ними в одном итонском колледже, погостить у него в Провансе, после чего все трое отправились охотиться в Шотландию. Бородатый Дэвид присылал открытки из Озерного края – он был там на пешей экскурсии. Что же касается Бэзила, то жив он или умер – я понятия не имела. Я сообщила Альфреду, что он уехал в Барселону, восстановить свой испанский. Очень скоро мы приблизились к последним дням августа и нашей монотонной и привычной оксфордской жизни.

Глава 3

Мне никогда не забыть своего первого впечатления о посольстве. После сумбурной встречи нас на Северном вокзале, после езды сквозь парижский поток машин, который всегда деморализует тех, кто к нему не привык, большой, красивый, медового цвета дом в тихом дворе показался раем. Он напоминал скорее деревенский, чем городской дом. Начать с того, что сюда не доносились никакие городские звуки, только шелест листьев, чириканье птиц, порой шум косилки да крик совы. Французские окна со стороны сада наполняли комнаты солнечным светом и воздухом. Из них открывался вид на деревья. Единственным зданием в обозримых пределах был купол Дома инвалидов – пурпурная тень на горизонте, едва просматриваемая сквозь листву. За исключением этого, да еще Эйфелевой башни с правого края этой перспективы, тут не было ничего, показывавшего, что дом расположен в центре самой процветающей и оживленной столицы континентальной Европы. Филип отвел нас на второй этаж. На верхней площадке прекрасной лестницы располагался холл, ведущий в Желтую гостиную, Белозолотую гостиную, Зеленую гостиную (которой предстояло стать нашей приватной гостиной) и спальню Полины Боргезе, так недавно освобожденную другой Полиной. Все эти комнаты выходили окнами на юг и сообщались друг с другом. Позади них находились гардеробная посла, библиотека и кабинет секретаря по связям с общественностью. Доброжелатели заполнили дом цветами; своими усилиями они сделали его очень красивым, сияющим в вечернем свете, и они же приободрили меня. Мне показалось, что многие люди были готовы любить нас.

Полагаю, было бы естественно, если бы я нанесла визит жене отбывающего посла вскоре после того, как объявили о нашем назначении. Однако вышеупомянутая супруга посла подняла такой вой, узнав, что ей предстоит уйти, возвещая о своем бедствии всем и каждому и так яростно отказываясь смотреть на ситуацию оптимистически (на достойную и уважаемую старость в кенсингтонской квартире), что чувствовалось: она может отнестись ко мне предвзято. Ее отношение представлялось мне преувеличенным до тех пор, пока я не увидела, какие именно блага мы узурпируем. Леди Леон царила в этом дворце – слово «царила» здесь не чрезмерно. С ее красотой, элегантностью и юмором она была тут королевой целых пять лет. Неудивительно, что она покидала все это с тоской.

Что до меня, то мои страхи рассеялись, так же как и уныние. Казалось, будто дом на моей стороне. С самой первой секунды, как я переступила его порог, он буквально взбодрил меня, заинтересовал и позабавил. Когда я проснулась на следующее утро в кровати Полины, в кровати обеих Полин, то, рассматривая темно-красные стены и мебель красного дерева, составлявшие яркий контраст с остальным домом, я подумала: «Это первый день, начало». Затем задалась вопросом, как буду себя чувствовать в последний день, в конце, и испытала искреннюю жалость к леди Леон.

Появился Альфред, в хорошем настроении. Он собирался завтракать в библиотеке.

– Филип придет поговорить с тобой во время твоего завтрака. Он считает, что ты не должна вставать слишком рано. У тебя здесь будет насыщенная жизнь, постарайся вести себя тихо по утрам.

Альфред положил мне на кровать несколько газет и ушел. О нас в газетах было не так много: маленькая, сделанная со вспышкой фотография в «Фигаро»; объявление в «Таймс» о том, что мы прибыли, – пока я не наткнулась на «Дейли пост». Всю первую страницу занимала огромная фотография Альфреда, с идиотски разинутым ртом, очевидно, выкрикивающим гитлеровское приветствие. Мое сердце сжалось, и я прочитала:

«Парижская миссия бывшего пасторского богослова сэра Альфреда Уинчема началась с неудачного инцидента. Когда месье Буш-Бонтан, который прервал свой отпуск, чтобы встре-

тить сэра Альфреда на Северном вокзале, выдвинулся вперед с приветственным жестом, наш посланец грубо отстранил его и принялся пространно болтать по-немецки с высоким белокурым молодым человеком в толпе...»

Я подняла голову от газеты. У моей кровати, смеясь, стоял Филип.

– Вы не против? Люди всегда виделись с Полиной до того, как она вставала, – это казалось хорошим тоном.

– Боже, – сказала я, – вам будет не хватать этого прелестного лица под балдахином.

– Сейчас все по-иному, – он сел около кровати, – и в некоторых отношениях симпатичнее. Итак, я вижу, вы добрались до инцидента.

– Филип!

– Только не говорите, что вас это расстроило. Это ничто по сравнению с тем, что будет: местный корреспондент «Дейли пост» Эймиас Мокбар – вам нельзя забывать это имя – готовит для вас всестороннюю обработку. Вы в черном списке Старого Ворчуна.

– Но почему?

– Так всегда бывает с английским послом в Париже. Кроме того, лорд Ворчун недолюбливает Альфреда, который, по-моему, и не подозревает о его существовании.

– Он действительно не подозревает. Альфред читает только «Таймс», и ему глубоко безразлично, что пишет «Дейли пост».

– Не будьте так уверены. Мокбар часто настраивает людей против себя. Мне пришлось прекратить с ним видеться, и мне это не по душе – он чертовски славный старый воробей, нет ничего приятнее, чем пить виски со старым Эймиасом в баре «Пон-Рояль».

– Но этот инцидент...

– Вам уже не все равно?

– Разумеется, потому что он просто вымышлен.

– Нет, Мокбар никогда ничего не выдумывает, вот в чем его дьявольская хитрость.

– Альфред говорил с немцем на Северном вокзале?

– Пока вас представляли мадам Ю, Альфред заметил бедного старого доктора Вольфа из Тринити-колледжа, который вглядывался в него в свете дуговых ламп. Конечно, будучи Альфредом, он сорвался с места. Потом сразу вернулся и все объяснил Буш-Бонтану. Инцидент не имел большого значения, однако он не был целиком вымышленным.

– Но доктор Вольф не является высоким, белокурым молодым немцем – он крохотный старый брюнет.

– Мокбар никогда не видит вещи в точности так же, как другие люди, его стиль сугубо субъективен. Вам придется к нему привыкнуть.

– Да, понимаю.

– Есть множество вещей, к которым вам придется здесь привыкнуть, но я думаю, он из них худший. Что вы предприняли по поводу пресс-секретаря?

– На следующей неделе прибывает Джин Макинтош. Я хотела сначала сама освоиться, и Альфред подумал, что до той поры вы протянете мне руку помощи, хотя я знаю, что вы слишком заняты.

– Естественно, я это сделаю. Меня это забавляет, и я вам помогу, поскольку знаю порядок. Иной работы в настоящее время нет – полное затишье на международном фронте, и все министры в отъезде. Буш-Бонтан завтра опять отбывает. Так что давайте приступим. Вот список людей, приславших цветы. Вам надо поблагодарить их. Затем Альфред счел, что вам следовало бы просмотреть мероприятия на эту неделю – боюсь, весьма суматошную. Вам надлежит разобраться с коллегами – нанести им визиты, ну вы понимаете, а здесь восемьдесят посольств, так что это займет определенное время.

– Неужели в мире столько стран?

– Конечно нет, вся эта штука – великая чушь, но мы должны поддерживать иллюзию, чтобы угодить американцам. Ничто так не любят миллионеры, как быть послами. В настоящее время их восемьдесят, щедро жертвующих в партийные фонды. Нам приходится подыгрывать им. В маленьких странах, таких как Нормандские острова, в наше время практически все взрослые мужчины – послы.

Я смотрела на список имен, который Филип мне дал.

– Я знаю только одного человека из тех, что прислали цветы, – Грейс де Валюбер.

– Она все еще в отъезде, – сообщил Филип. – Откуда вы ее знаете?

– Ее сын и мои двое дружат в школе. Они недавно гостили у нее в Провансе. Если они любезно обещали приехать сюда на Рождество, то это главным образом из-за Сигизмунда.

– Милый Сиги, очаровательный ребенок, – с чувством произнес он. – Почему бы не сказать вам, Фанни, коль скоро мы такие старые друзья – да и в любом случае вы, конечно же, и так это узнаете, – что я влюблен в Грейс? – При этих словах я ощутила маленький укол. Бесспорно, я предпочитала, чтобы Филип сосредоточился на мне, как во время пребывания в Оксфорде.

– И с каким результатом? – поинтересовалась я.

– Она позволяет мне тереться рядом. Вероятно, ей нравится демонстрировать своему мужу, в которого она безумно влюблена, что кто-то безумно влюблен в нее.

– Глупая старая любовь, – промолвила я. – Бог с ней. Давайте пройдем по списку. Кто такая миссис Юнгфляйш?

– Милдред Янгфлиш. Американцы начали копировать нашу привычку не произносить имена так, как они пишутся. Она утверждает, что вы ее знаете.

– Неужели? Но я совсем не помню...

– Она постоянно ездит в Оксфорд, так что, полагаю, вы с ней встречались.

– У «диоровских» донов – вероятно, хотя я почти с ними не вижу: я совершенно не в их вкусе.

– Наверное, да.

– Ну вот, вы же сами понимаете. Как же прикажете существовать здесь, с такими людьми?

– Ну-ну!

– Миссис Юнгфляйш, конечно же, *femme du monde*?¹⁹

– Да, действительно. Я знаю ее много лет – мы ходили в одну школу обаяния в Нью-Йорке, когда я работал при ООН.

– Вы ходили в школу обаяния? Я всегда полагала, что вы – само обаяние.

– Спасибо. Милдред и я отправились туда, чтобы выяснить, нельзя ли усовершенствовать наши манеры, но, как вы любезно предположили, мы обнаружили, что слишком продвинуты для этих курсов.

– Вот мне бы они не помешали.

– Вам это было бы бесполезно, поскольку вы не запоминаете людей. Память на имена и лица – это азы обаяния, это входит в формулу «рад вас видеть», но вы должны показать, что знаете того, кого вам приятно видеть.

– Я знаю мало американцев. Вам они нравятся, Филип?

– Да, мне за это платят.

– А в глубине души?

– О, их нельзя не любить, бедняжек! Я чувствую к ним жалость, особенно к тем, что в Америке, – они такие безумные, больные и испуганные.

– Мы их здесь много увидим? Альфреду было сказано, что он должен с ними сотрудничать.

– Избежать этого невозможно, это место буквально ими кишит.

---

¹⁹ Светская дама (фр.).

– Есть дружелюбные?

– Дружелюбные? Они долго считали вас врагами. Впрочем, некоторые из них вам понравятся. Те, что здесь, делятся на три категории. Есть бизнесмены, пытающиеся занять выгодное положение на родине в качестве экспертов по Европе. Они боятся, что в Европе может возникнуть бум. Конечно, если он случится, они не хотят ничего упустить. Например, существует рынок произведений искусства – все эти старинные антикварные предметы, которые надо «поженить» с долларом. (Изобразительное искусство переживает бум, поэтому они его любят, они даже своих детей называют в честь его шедевров.) В музыке тоже есть доллары – музыка может быть так же доходна, как и изобразительное искусство. Искусство и музыку можно найти только в Европе – вот они и приезжают сюда на их поиски. В то же время они не хотят остаться за бортом и дома, поэтому играют в беспокойную игру «Музыкальные стулья» между Европой и Штатами, летая туда-сюда на реактивных самолетах, становясь более большими, безумными и испуганными, чем прежде.

– Чего они боятся?

– Боятся, что кто-нибудь другой может успеть куда-то первым; боятся упасть замертво; боятся экономического спада. Потом еще существуют буквально тысячи должностных лиц, которым платят, чтобы они находились здесь. Их никогда не видно, за исключением нескольких коллег-дипломатов. Они чудовищно несчастны, сбиваются вместе в чем-то вроде гетто – до смерти перепуганные, что утратят свой американский акцент.

– Странно опасаться утратить именно это.

– Для них это было бы ужасно. Они бы тогда навсегда получили клеймо не-американцев. И наконец, мы имеем экспатриантов типа Генри Джеймса²⁰, которые живут тут потому, что им невыносимо на родине. Пожалуй, немного чересчур серьезные, но по крайней мере не разглазгольствуют без передышки об искусстве и долларах – за ними будущее человечества. Милдред из их лагеря – можно назвать ее комендантом лагеря.

– Она мне понравится?

– У вас не будет шанса полюбить ее. Она обожает Полину и готовится общаться с вами холодно и учтиво.

– Тогда зачем она посылает мне цветы?

– Это американский заскок. Они не могут этого не делать – посылают их и друзьям, и неприятелям. Всякий раз, как они проходят мимо цветочного магазина, у них руки чешутся написать чье-то имя и адрес.

– Я целиком за это, – сказала я, глядя на присланный мадам Юнгфляйш душистый горошек на моем туалетном столике. – Они прелестны...

После нескольких дней в посольстве я начала подозревать, что происходит нечто странное. Конечно, в новом доме нельзя сразу во всем разобраться, однако я чуяла какую-то тайну. Из своей спальни отчетливо ощущала толпу веселящихся людей, что-то вроде вечеринки, которая проходила каждый вечер и продолжалась далеко за полночь. Ночью я часто просыпалась от взрывов смеха. Я полагала, что шум может исходить от соседнего дома, пока не обнаружила, что это – многоэтажное офисное здание, принадлежавшее американскому правительству. Не могли же его сотрудники всю ночь хохотать? У моей кровати стоял телефон, от него, минуя посольство, тянулась прямая линия к коммутатору телефонной сети и незаметный маленький жужжащий звоночек. Он порой звонил, и когда я отвечала, то слышала сконфуженные фразы вроде: «О боже... я забыл», «C'est toi, chérie? Oh pardon, Madame, il y a erreur»²¹ или просто

---

²⁰ Генри Джеймс (1843–1916) – американский писатель, который с тридцати лет жил в Европе, а за год до смерти принял британское подданство.

²¹ Это ты, дорогая? О, простите, мадам, произошла ошибка (*фр.*).

«Ой!», и линия умолкала. Дважды газету «Таймс» приносили позднее обычного, с уже разгаданным кроссвордом.

Внутренний двор, похоже, всегда был полон элегантно одетых людей. Я предположила, что они пришли написать свои имена в нашей книге (чьи страницы, по словам Альфреда, читались, как список действующих лиц всей французской истории). В данном случае зачем они так часто группировались на маленькой наружной лестнице в юго-западном углу двора? Я могла бы поклясться, что снова и снова вижу одних и тех же людей со знаменитыми лицами, известными даже мне: украшенную драгоценностями портниху, похожую на куклу из мультфильма с составленным из коричневых мячей для гольфа лицом; некоего фельдмаршала, пианиста с виноватым видом, бывшего короля... Хорошенькая молодая женщина, смутно мне знакомая, казалось, просто жила во дворе, постоянно перемещаясь по маленькой лестнице с цветами, книгами или грампластинками. Иногда она несла в руках огромную корзину для пикника. Поймав однажды мой взгляд, она покраснела и отвернулась. Мокбар, с которым я теперь познакомилась, частенько бывал на нашей улице Фобур и пялился сквозь наши ворота. Спутать его с кем-либо другим было невозможно; он имел идилическую, безмятежно-счастливую наружность какого-то маленького старого грума – обветренное лицо, согнутая спина, негнущиеся ноги колесом, длинные руки и копна пушистых седых волос.

– Я хотел бы знать, не желаете ли вы сделать заявление? – спросил он, вразвалочку приближаясь ко мне, когда я возвращалась домой от портнихи.

– Заявление?

– О ситуации в вашем доме.

– Вы очень добры, но нет, спасибо большое, вы должны спросить моего мужа. – Я вошла в дом и послала за Филипом.

– Филип, – произнесла я, – там из газеты. Не хотите ли вы сделать заявление?

– Заявление?

– О ситуации в моем доме.

Он удивленно посмотрел на меня.

– У кого комнаты на правой стороне двора? Видела ли я их, когда вы показывали мне дом?

– Да, настала пора вам узнать. Дело в том, что Полина окопалась там, и мы не можем заставить ее съехать.

– Леди Леон? Но она же уехала! Я видела ее в кинохронике. Как она может до сих пор находиться здесь?

– Да, она уехала с Северного вокзала, однако остановила поезд в Орри-ла-Виль и вернулась обратно, все еще держа в руках розы Буш-Бонтана. Сказала, что очень больна, наверное, умирает, и вынудила миссис Тротт постелить ей постель в мезонине. Там есть нечто вроде маленькой квартирki, где раньше жил секретарь. Естественно, она ни в малейшей степени не больна. У нее там день и ночь топчется весь Париж. Странно, что вы их не слышали.

– Я слышала. Полагала, что это американцы из соседнего дома.

– Американцы никогда так не верещат.

– Теперь мне все ясно. Но, Филип, это плохо для Альфреда. Такая нелепая ситуация в самом начале его миссии!

– Министерство иностранных дел того же мнения. Они велят нам ее выдворить. Но как? Я только что опять говорил с Эшли. Вначале все думали, будто это шалость и через день-другой ей это надоест. Поэтому решили вас не беспокоить. Но теперь парижане присоединились к этой проказе, и стало модой приходить туда и навещать ее. Люди досрочно возвращаются из отпусков, чтобы поучаствовать в этом движении. Фешенебельные курорты в отчаянии – некому фотографироваться на пляжах. Так что, конечно, она развлекается по полной программе, и я не знаю, как нам вообще убедить ее уехать. У нас у всех ум за разум заходит.

- А не можем мы сказать слугам, чтобы ее не кормили?
- Они и не кормят. Это Милдред приносит ей еду, как ворон.
- Та, что с корзиной для пикника? Мы могли бы прекратить ее посещения – велеть консьержу, чтобы не впускал ее.
- Ему было бы неловко преградить ей путь. Он знает ее много лет.
- Да, понимаю, и, конечно, мы не можем насильно увезти ее. Тогда не могли бы мы ее подкупить? Что она любит больше всего?
- Представителей высших английских правительственных структур.
- То есть членов парламента и тому подобных?
- Министров, банкиров, архиепископа, хозяина замка Бельвуар, главного редактора «Таймс» и так далее. Ей кажется, что она видит, как вершится история.
- Ну так это замечательно. Разумеется, эти политики должны быть на ее стороне. Почему бы им не заманить ее в Англию – завтрак на Даунинг-стрит, присутствие на больших дебатах в четверг?
- Вы не понимаете соображений Милдред. Они обожают ее присутствие в парламенте – им невыносимо вообще устраивать дебаты, пока она не водворится там, на своем месте. Она – лучшая аудитория, какую они когда-либо имели. Что же до завтрака на Даунинг-стрит, так она гостит там, когда бывает в Лондоне.
- Господи...
- На самом деле она вовсе не является ключом к нашей проблеме.
- Вы сказали, Милдред приносит еду.
- Да, но еда для Полины ничего не значит.
- Тем не менее она не может без нее обходиться.
- Суть в том, что может. Полина часто ездит в Тринг на лечебное голодание. Для меня загадка это голодание. Люди на спасательных плотках начинают жрать друг друга через неделю; Полина и Милдред порой проводят в Тринге по целому месяцу – и хоть бы кусочек отгрызли друг от друга.
- Мы не можем допустить, чтобы она осталась тут еще на месяц. Несомненно, представители высших правительственных структур должны поддерживать своих сотрудников, Филип, и протянуть им руку помощи. Вы говорили с кем-нибудь из них?
- Они делают, что могут. Премьер-министр беседовал с сэром Льюисом вчера вечером. Никакого толку. Сэр Льюис только сидел, прикрыв нос рукой, и трясся от смеха, в этой своей очаровательной манере, – усмехнулся Филип. – Но, в конце концов, что он может сделать? Не говоря уже о том, что это его забавляет.
- Какая-то важная персона должна прийти ее повидать – объяснить, что она ведет себя непатриотично и так далее. Ведь это правда.
- Мы это пробовали. Прилетал Моули. Он был очень суровым, но не сумел продержаться до конца. Он говорит, Полина лежала там, словно прекрасный олень, умирающий в лесу, и ему не хватило мужества сердиться на нее.
- Почему, как вы думаете, она это делает?
- Нет какой-то важной причины... ее это забавляет... ей больше нечем заняться. А если это раздражает вас, Полина это легко перенесет. Она считает, что Альфред получил эту работу, интригуя против сэра Льюиса.
- Вы же знаете, что он ничего подобного не делал.
- Разве? В любом случае сэр Льюис не остался бы на этом посту – настала пора перемен.
- Я видела на улице Мокбара.
- Да, он выкладывается на все сто.
- Он виделся с леди Леон?
- Нет. Даже Полина устанавливает пределы, которые нельзя нарушать.

- Нам придется сообщить Альфреду, прежде чем появится статья Мокбара.
- Он знает. Это он постоянно твердил: «Не говорите Фанни».

Отдаленный глумливый смех оскорбил мой слух. Вечер продолжался, мезонин оживал. Меня охватил гнев.

- А как воспринимает это набережная Орсэ?²²

– Взволнованы. Юги выдал информацию, что никто из тамошних жен не участвует, но я не уверен, что не видел...

- Кто это, Юги?

- Жак-Оливье Ю, руководитель протокола. Всем известный как Юги.

Я с каждой минутой все больше возмущалась. У меня, надеюсь, есть чувство юмора; эта ситуация была явно забавна; было невыносимо не иметь возможности присоединиться к такой хорошей шутке, находиться на чопорной, официальной стороне, против всех этих веселых бандитов.

– Насколько Альфред мог уяснить, ваш друг сэр Льюис попросту жил здесь в свое удовольствие! – воскликнула я.

– Послы всегда так отзываются друг о друге, – заметил Филип. – Твой предшественник – праздный, а твой преемник интриган. Это классика дипломатической службы. Но сэр Льюис был превосходным послом, не заблуждайтесь на сей счет.

– Хорошо. Давайте постараемся сохранять самообладание. Если мы оценим эту проблему трезво, решение должно найтись.

Воцарилось долгое молчание. Наконец я продолжила:

- Я намерена поговорить с миссис Юнгфляйш.

– Можете сделать это сейчас, если хотите: она во дворе, сидит в своей машине и читает «Новый курс»²³.

- Почему она не верещит внутри вместе с остальными?

– Говорю вам, это весьма серьезная дама – она ежедневно отводит определенные часы на изучение истории. Кроме того, говорит, что внутри очень жарко. Двадцать человек в крохотной комнате в такой день, как этот, – вероятно, это подобно Калькуттской черной яме²⁴.

- Тогда почему бы ей не отправиться домой и не почитать «Новый курс» там?

- Она любит находиться в курсе событий.

- Какая наглость!

Я вышла во двор, открыла дверцу «бьюика» миссис Юнгфляйш и дерзко уселась рядом с ней. Она была светловолосой, хорошенькой, с невинным видом мальчика из церковного хора. Этот облик подчеркивался большим белым плиссированным воротником и прямыми волосами с челкой. Милдред обратила на меня взгляд своих спокойных, внимательных голубых глаз, отложила документ, который читала, и произнесла:

– Добрый день. Я Милдред Юнгфляйш, мы с вами уже встречались, когда-то давно, в Оксфорде.

Я была приятно удивлена ее голосом, который был не очень американским, скорее похожим на голос англичанки, которая раньше жила в Соединенных Штатах. Хотя я знала о том, что программа школы обаяния была для нее слишком элементарной, и догадывалась, что данный голос предназначался для умиротворения разгневанной жены посла на территории ее собственного посольства, это сработало.

---

²² На набережной Орсэ в Париже находится дворец министра иностранных дел Франции.

²³ Экономическая и социальная программа, проводившаяся администрацией президента США Ф. Рузвельта с 1933 по 1939 год.

²⁴ Маленькая тюремная камера в калькуттском Форт-Уильяме, где в ночь на 20 июня 1756 года задохнулось много обонявших город англичан.

– Пожалуйста, извините меня за то, что вторглась в вашу машину без приглашения, – сказала я.

– Пожалуйста, извините меня за то, что сижу в вашем дворе без приглашения.

– Я хочу с вами поговорить.

– Уверена, что вы должны это сделать, леди Уинчем. Это, конечно, насчет Полины?

– Да... как долго, по вашему мнению, она намерена тут оставаться?

– Полина весьма непредсказуема. Она уедет, когда пожелает. Полагаю, что на Рождество она все еще будет здесь.

– И вы станете по-прежнему кормить ее?

– Боюсь, что так.

– Если бы мой муж был частным лицом, все это не имело бы значения. Однако в данной ситуации я намерена избавиться от леди Леон.

– Как?

– Не знаю.

– По моему опыту общения с Полиной, невозможно отвратить ее от цели.

– Ага! Так у нее есть цель?

– Пожалуйста, не поймите меня неправильно, леди Уинчем, ее цель проста – она хочет хорошо провести время. У нее нет намерения вас огорчить, еще меньше желания нанести вред посольству или скомпрометировать Министерство иностранных дел. Все это началось, потому что Полина почувствовала внезапный импульс остановить поезд в Орри-ла-Виль и провести одну последнюю ночь в этом доме, который обожает. Вы и понятия не имеете, что она по отношению к нему чувствует.

– Напротив, я хорошо понимаю. Люди привыкают к дому, а этот – такой необыкновенный.

– Вы уже попали под его чары! Вскоре Полина обнаружила, что может и повеселиться. Она позвонила нескольким друзьям шутки ради. Они пришли. Это начало становится важным; человек расписывается в вашей книге, а потом идет навестить Полину. Извините, пожалуйста, я вижу нунция²⁵ – думаю, он ищет дверь.

Милдред вышла из машины, объяснила прелату дорогу и вернулась обратно.

– Филип говорил мне, что вы очень ответственный человек, – продолжила я. – Не могли бы вы сказать ей, что если она будет продолжать в том же духе, то перечеркнет все хорошее, что сделали они с сэром Льюисом во время своей работы?

Честные глаза «мальчика из церковного хора» широко раскрылись.

– Да, леди Уинчем, я ей говорила. Я даже обратила ее внимание на то, что в конечном счете только один человек может извлечь преимущество из ее действий.

– Кто же это?

– Мистер Хрушев.

Я сообразила, что вывод этот спорный, однако не лишенный смысла.

– К сожалению, Полина совершенно не думает о важных современных проблемах. Многие европейские женщины таковы. Им не интересны такие вопросы нашего времени, как хрупкий баланс между Западом и Востоком, – они и пальцем не пошевелят, чтобы облегчить деятельность НАТО, ЮНЕСКО, ОЕЭС или Всемирного банка. Полине все это безразлично.

– Значит, вы ничего не можете сделать?

– К сожалению, нет.

– Ладно, – кивнула я. – Я могу выглядеть весьма робкой, но должна вам заметить, что часто добиваюсь своего. До свидания.

---

²⁵ Апостольский нунций – постоянный дипломатический представитель папы римского в государствах, с которыми Святой Престол поддерживает дипломатические отношения.

– До свидания, леди Уинчем. Было приятно с вами увидеться.

Глава 4

– Мы должны послать за Дэви, – сказала я.

Этот муж моей тетки долгое время играл в нашей семье ту же самую роль, что герцог Веллингтон в семье королевы Виктории. Всякий раз, когда возникала какая-то непреодолимая трудность житейской природы, консультировались именно с ним. Пока мы с Альфредом гостили у него, мы, естественно, не говорили почти ни о чем другом, кроме нашего назначения, и Дэви призвал меня не забывать, что он понимает французов. Когда-то он жил в Париже (лет сорок назад), часто посещал салоны и был любимцем их хозяек. Дэви их понимал. Он их особенно не любил, «капризных, хитрых штучек», и до того как нацисты захватили власть, в дни загнивающей Веймарской республики, действительно предпочитал им немцев. Это был вопрос общности интересов; два его главных интереса – здоровье и музыка – лучше соответствовали немецким требованиям. Как только эта здоровая, музыкальная нация начала демонстрировать иные пристрастия, Дэви покинул Берлин и все известные минеральные курорты, которые так любил и которые принесли ему столько пользы, чтобы уже туда не вернуться. С тех пор Дэви всегда повторял, что не понимает немцев. Но при этом продолжал понимать французов.

Я уж не знаю, взмаха какой волшебной палочки ожидала я от него, поскольку леди Леон и миссис Юнгфляйш не являлись француженками, и он никогда не говорил, будто их понимает. Верно, Дэви был другом детства леди Леон, но это не причина для того, чтобы он вдруг оказался более убедительным, чем глава Министерства иностранных дел. Однако было бы неплохо видеть его рядом. Я надеялась, что он встанет на мою сторону – более уверена, чем в отношении Филипа, чья личная преданность, в силу природы вещей, была двойкой. После своей беседы с миссис Юнгфляйш я имела долгую дискуссию с Альфредом, в результате которой сразу же телефонировала Дэви.

– Это сигнал бедствия, – сказала я. – Объясню, когда тебя увижу.

– Ты попала в шторм, – ответил он, даже не стараясь скрыть своего ликования, – причем раньше, чем я ожидал. Я сообщу, как только получу место в самолете.

На следующее утро на странице Мокбара можно было прочитать:

«ГЕРЦОГИ

Четыре французских герцога, три бывших министра, девять Ротшильдов и бесчисленное количество графинь пересекли двор британского посольства вчера вечером. Собирались ли они засвидетельствовать свое почтение нашему посланцу сэру Альфреду Уинчему? Нет.

В ОДИНОЧЕСТВЕ

Бывший пасторский богослов и леди Уинчем сидели в одиночестве в величественных апартаментах на втором этаже, в ожидании посетителей, которые так и не появились. Сливки парижского общества тем временем теснились в крохотной комнатке на задней лестнице.

ДВЕ ПОСЛАННИЦЫ

Ни для кого здесь не секрет, что неожиданная и неловкая ситуация возникла в посольстве, где теперь мы, кажется, имеем одного посла и двух посольских жен. Леди Леон, жена бывшего посла, по-прежнему живет тут. Леди Уинчем, хотя и очаровательная женщина, не может соперничать со своей блестящей предшественницей. Она осталась за бортом. Дипломатический корпус хотел бы знать, какова будет развязка».

Я поехала в аэропорт Орли встречать Дэви. Хотя сейчас ему было шестьдесят пять лет, его внешность почти не изменилась с того дня, почти тридцать лет назад, когда я впервые

увидела его своим острым взглядом маленькой девочки, тогда он не был, как мне показалось, похожим ни на капитана, ни на мужа. (Как потом выяснилось, я в любом случае оказалась не права. Ни у кого не было более счастливого брака, чем у моей дорогой тети Эмили.) Если лицо его сделалось немного похожим на портрет кисти Сутина²⁶ с изображением другого, более молодого лица, его фигура была идеальной. Элегантный и гибкий, маша мне газетой «Дейли пост», Дэви отделился от группы прибывших из Лондона.

– Хорошенькое дельце! – жизнерадостно закричал он. – Я должен провести свой багаж через таможеню – подожди меня в автомобиле.

Вскоре, садясь в машину рядом со мной, он произнес:

– Заметь, это не новая ситуация, далеко не новая. Леди Пикл держала у себя ключ от сада при посольстве в Риме и устраивала там светский прием через несколько недель после прибытия Беттериджей. Сэр Джордж посмотрел в окно и увидел, что она принимает там весь «черный список» посольства. Леди Прэйд открыла магазин подержанных вещей тут, на улице Фобур, и перехватывала людей, которые направлялись в посольство. Леди Пайк вернулась в Вену, а затем, по-моему, жила на дереве, как птичка. Жены английских послов обычно чудачковаты, и необходимость оставить посольство приводит их в бешенство. Заявление Альфреда опубликовано в вечерних газетах – идеальное, исполненное достоинства. – Альфред написал, что, поскольку леди Леон не чувствует себя достаточно хорошо для путешествия, он, конечно, бесконечно рад предоставить ей квартиру секретаря, временно, до тех пор, пока ей не станет лучше. – Тебе не следует беспокоиться, Фанни, действующий посол держит в руках все карты – он не может не выиграть в конце.

– Если он не выиграет скоро, то это и будет конец, – усмехнулась я.

– Да, ей уже пора уехать. Я недавно завтракал в клубе «Будлз» – враги Альфреда начинают ликовать, можешь представить. «Дейли пост» там весьма востребована.

– Мы очень рассчитываем на тебя, Дэви.

– Правильно. Как только мы приедем, я должен выпить крепкий коктейль, а потом отправлюсь к Полине.

– Хорошо, – кивнула я. – В шесть часов ко мне придет жена посла некой вымышленной страны (настоящие все еще в отъезде). Это вписывается в наш график, и мы увидимся с тобой за обедом.

Когда я сидела с маленькой, похожей на крысу женщиной в черном бархате с блестящими черными рукавами (одетой для вечеринки с танцами, как я сначала думала, пока не вспомнила, какое это старомодное понятие), то слышала обычные раздражающие звуки отдаленного смеха, перемежавшиеся теперь хорошо известными и нарочито пронзительными вскриками Дэви. Он явно наслаждался. Я с трудом могла сосредоточиться на домашних проблемах женщины в черном.

– Американцы получают все, потому что не против платить.

Дэви появился вновь за обеденным столом, в смокинге.

– Неужели никто не захотел со мной встретиться? – спросил он, увидев только три бокала для коктейля.

– Я полагала, ты устанешь после перелета.

– Теперь, когда у меня есть эта дополнительная почка, я никогда не устаю. Но не важно.

– Кого бы ты хотел увидеть – кого-то особенного? Многие люди еще в отъезде, но, уверена, Филип сумел бы найти кого-нибудь на завтра, и, конечно, Дэви, ты можешь приглашать сюда своих друзей.

---

²⁶ Хаим Сутин (1893 или 1894–1943) – французский живописец еврейского происхождения. Один из крупнейших мастеров «Парижской школы».

– Ну, завтра... – Легкая тень смущения пробежала по его лицу. – Я сказал, что приду на обед в складчину к Полине.

– Не говори мне, что бедная миссис Юнгфляйш должна тащиться сюда с продуктами на целый званый обед.

– Только для меня и Полины. Остальные будут трапезничать дома и заглянут к ней позднее.

– Наверное, ты хочешь, чтобы мой повар ей что-нибудь послал? – усмехнулась я.

– Послушай, Фанни, не будь такой злой и подозрительной. Это всего лишь маленькая диагностическая операция – если я должен излечить больного, мне нужно знать все о болезни, не так ли?

– Вероятно. Кто там был?

– Люди приходили и уходили – элегантные, красивые и забавные, тут надо отдать им должное. Я и забыл, что французская одежда так отличается. Они думают, что с твоей стороны было храбро бросить вызов миссис Юнгфляйш в ее собственной машине.

– Она была в моем собственном дворе. Они говорят обо мне? – спросила я, не слишком довольная.

– Моя дорогая, ты – главная тема обсуждения. Они знают абсолютно все о том, что ты делаешь, с какой портнихой договорилась о встрече, какую одежду заказала («*ça, alors!*»²⁷), какое впечатление производит Альфред на набережной Орсе («*évidement ce n'est pas Sire Louis*»²⁸) и так далее. Когда они услышали, что я твой дядя, то буквально взяли меня в оборот. Решили, будто это новое достижение Полины – заполучить кого-то, кто сейчас гостит у тебя, да является вдобавок родственником. Между прочим, Филип Клифф-Макгрейв... я полагаю, он на твоей стороне? Если спросишь моего мнения, он был в отношениях с врагом.

– Это неизбежно в сложившихся обстоятельствах. – Тут появился Альфред, и мы направились в столовую.

Следующее утро прошло в стараниях выйти на связь с парижскими друзьями Дэви из старых времен. Кажется, он потерял свою записную книжку с адресами иностранцев. Я послала за Филипом, чтобы он помог. Тот внимательно посмотрел на имена и сказал, что не слышал ни об одном из них, несмотря на то что четыре года жил интенсивной светской жизнью по всей Франции. Ни одного из имен не было и в телефонной книге.

– Это ничего не значит, – произнес Филип. – Вы не поверите, как многих здешних людей в ней нет. Для срочных сообщений есть пневматическая почта.

Они с Дэви сели на мою кровать, обложившись справочниками.

– Начнем с того, – заметил Филип, – что нам лучше проконсультироваться у Кэти. – Кэти, мисс Фриман, с телефонного коммутатора посольства, большая умница, которой вскоре предстояло стать ключевой фигурой в нашей жизни. Он взял телефонную трубку и сказал: – Загляните в свой список, Кэти, будьте добры, нет ли в нем кого-то из этих людей, и перезвоните мне. – И Филип зачитал ей имена знакомых Дэви. Несколько минут спустя раздался звонок, и он снял трубку. – Никого? Даже в списке ТПС? Спасибо, Кэти.

– Что такое ТПС? – спросила я.

– «Только прием в саду». Список насчитывает тысячи человек. Если их там нет, это означает, что они никогда не переступали этот порог. Сейчас нам следует взяться за эти адресные справочники.

Дэви забрал свой список и вычеркнул несколько таинственных имен, объяснив, что знает их не так уж хорошо и не так уж любит. Он вполне сможет умереть счастливым, даже если никогда с ними не увидится. Но он буквально вцепился в троих, кого надо было найти любой

---

²⁷ Ничего себе! (*фр.*)

²⁸ Очевидно, что это не сэр Льюис (*фр.*).

ценой. Это были некий маркиз, некий академик и некий врач. Мы начали с маркиза, которого не было ни в ежегодном телефонном «Справочнике видных аристократов», ни в «Черных тетрадах ложного дворянства», ни в «Справочнике современников». Два маркиза, кому позвонил Филип, тоже никогда о нем не слышали (хотя заметили, что, конечно, имя принадлежит знаменитому семейству), как и Жорж из бара отеля «Ритц».

- Какие у него увлечения? – спросил Филип.
- Он был самым известным из ныне живущих экспертов по русским родословным.
- Попробуйте кладбище Пер-Лашез.
- Он жив, только на днях прислал мне *faire part*²⁹ на свадьбу своей внучки.
- Что за адрес был на *faire part*?
- Я помню только церковь – Сен-Франсуа-Ксавье.

Филип позвонил священнику, который дал ему адрес в Пикардии. Туда была в должном порядке отправлена телеграмма.

- Это один, – произнес Филип. – Так, теперь что насчет этого сомнительного академика?
- Вы хотите сказать, что его имя вам ни о чем не говорит?
- Нет, и, более того, спорю на крупную сумму, что он не состоит во Французской академии. Я наизусть знаю имена этих сорока старичков и, боже, как же я их презираю! Посмотрите на них, они якобы следят за чистотой языка, а пошевелинут ли они хотя бы пальцем, чтобы воспрепятствовать жутким примерам его неправильного употребления? Французское радио начало рассказывать о Бургиба-младшем – младшем! – почему бы не о Бургиба-сыне?³⁰

- Это ужасно, но что могут сделать эти сорок академиков?
- Поднять шум. Их престиж велик. Но им безразлично. Так или иначе, как я уже сказал...
- У меня есть его фото в униформе – я знаю, что он член Академии.
- Чем он занимается?
- Он самый известный из ныне живущих экспертов по мавританским рукописям.
- Ага! – воскликнул Филип. – Тогда он член Академии надписей и изящной словесности.

Англичане всегда забывают, что под одной крышей существуют пять академий, и вечно путают их.

Дэви не понравилось, что его смешали в одну кучу с невежественными англичанами, но Филип был совершенно прав. В Институт Франции был отправлен запрос по пневматической почте.

Что же касается врача, то тот, похоже, нашел себе идеальное тайное убежище.

– Доктор Лекер, – нетерпеливо произнес Дэви, – величайший из ныне живущих экспертов по *vésicule biliaire*³¹.

Я поинтересовалась, что это такое.

– Это французская болезнь, у нас в Англии ее нет, – ответил Филип.

Дэви бросил на него неприязненный взгляд.

– Это вовсе не болезнь, а орган. У всех он есть. Вам следует посмотреть на камни, которые удалили из моего организма.

Филип неприятно захихикал. Затем обзвонил несколько знаменитых докторов и даже связался с Медицинским институтом. Никто никогда не слышал об этом величайшем из ныне живущих эксперте.

- Он раньше жил на улице Нев-де-Пти-Шан.
- Такой больше не существует.
- А те прелестные дома? Их снесли?

---

²⁹ Приглашение (*фр.*).

³⁰ Хабиб Бургиба-младший – тунисский государственный деятель и дипломат, министр иностранных дел Туниса.

³¹ Желчный пузырь (*фр.*).

- Пока нет, слава богу. Только переименовали.
- А как насчет «Баллады о буйабесе»?³²

О «Новой улице» наслышан,
О той, что с «Малых», бишь, «Полей»,
Французское «Рю-Нев-де-Пти-Шан»
Не всяк срифмует, ей-же-ей!³³

Как жестоко дать ей новое имя! Академики вполне могли бы воспротивиться этому.

– Только не они!

– Интересно, может, доктора Лекера уже там нет? Я схожу и посмотрю – мне все равно нужна небольшая прогулка. Где тут лучшая аптека?

И он удалился с некоторой обидой. Филип сказал:

– Я заметил, что англичане часто имеют каких-то непонятных французских друзей. Коллаборационисты, все до единого, помяните мое слово. И, кстати, вам не приходило в голову, что ваш дядя не вполне нормален? Уж слишком активно он общается с Полиной в ее мезонине.

– Единственный человек в Париже, который не в себе, – это я, – усмехнулась я. – Чувствую себя совершенно выбитой из колеи.

Филип выглядел виноватым.

– Что ж, – вздохнул он, – целое утро пропало. Как я буду рад, когда приедет мисс Макинтош.

Мне было жаль, что они с Дэви не очень поладили. Своего дядю я потом не видела весь день. Нам с Альфредом пришлось пообедать с американским послом, который проезжал через Париж в промежутке между двумя каникулами, а мой вечер был опять занят общением с женами послов из неправдоподобных стран, каких я определенно не нашла бы на глобусе. Обсуждая с ними исчезновение лакеев как вида, я снова слышала те самые пронзительные визги, которые, без сомнения, означали, что Дэви все так же горячо общается с Полиной в мезонине. Я начинала впадать в уныние.

Вдобавок к моим испытаниям утренняя почта принесла новость, что добрая, умная, невзрачная Джин Макинтош, не привлекательная для мужчин и не имеющая шансов выйти замуж, чья разумная поддержка обещала облегчить мою задачу в столь многих отношениях, не приедет. Она вышла замуж, внезапно и совершенно неразумно, за члена шайки богатых бездельников из Челси. Луиза написала мне, чтобы сообщить эту новость, явно считая себя более достойной жалости, чем я.

– Ее крестная мать оставила ей четыре тысячи фунтов и тиару. Похоже, эти модники из Челси всегда женятся ради подобных пустяков. О, Фанни!

Я знала, что Джин – любимое дитя Луизы. Она закончила письмо настоящим воплем отчаяния: «P.S. Посылаю тебе вместо нее Норти, но это будет не одно и то же».

И у меня возникла мысль, что это будет не одно и то же. Я пыталась хотя бы что-нибудь вспомнить о Норти, которую не видела со времени войны, когда мы с Луизой жили в Алконли с нашими младенцами. Ее, только начавшего ходить карапуза с волосами цвета льна, приносили в гостиную во время чаепития и заставляли петь громкие, немелодичные песни. «Буду ли я красивой, буду ли богатой?» Мы все считали ее очаровательной. Однажды Луиза рассказала мне, что Норти была зачата в отеле «Грейт-Нортерн»³⁴ – отсюда и ее странное имя. Мои дети хорошо ее знали, поскольку часто гостили у Форт-Уильямов в Шотландии. Я заметила, что их

---

³² Буйабес – рыбная похлебка с чесноком и пряностями, распространенная на юге Франции.

³³ Отрывок из поэмы У.М. Теккеря «Баллада о буйабесе». Перевод А. Солянова.

³⁴ От англ. «Большой северный»; таким образом, имя Норти является производным от слова North – «Север».

суждения о ней были весьма пренебрежительными. «Норти старомодная», «Норти, как всегда, хнычет». – «Хнычет?» – «Да, ее глаза всегда полны слез». – «По поводу чего?» – «Да всего».

Бэзил мог бы описать мне ее, он хорошо умел характеризовать людей. Негодный Бэз – в Испании, в Испании. Я наконец получила от него листок бумаги, грязный и мятый, словно проведенный много недель в кармане брюк, с барселонской маркой, на котором было написано: «Я не смогу пообедать с тобой в субботу. Все новости при встрече. С любовью, Бэз».

Я размышляла, не поступлю ли скверно, если как-нибудь откажусь от этой Норти, несмотря на то что у меня не было другого кандидата, а я уже ощущала потребность в секретаре. Затем мой взгляд упал на конверт письма Луизы, и я увидела, что она нацарапала нечто почти неразборчивое на обратной его стороне, в результате чего я поняла, что Норти уже в пути, на грузовом судне для перевозки скота, следующем из Глазго через что-то – через что именно, я не смогла прочитать.

– Пожелаем ей удачи, – произнес Филип, когда я рассказала ему об этом. – Во сколько ваш дядя покинул мезонин вчера ночью?

– Примерно в половине четвертого, – ответила я. – Я их слышала. Судя по звукам, миссис Юнгфляйш принесла шампанское.

– Я беседовал с Милдред, она говорит, это было любопытно – Полина и мистер Уорбек восхитительны вместе, они судачили о двадцатых годах. На вашем месте я бы положил всему этому конец, это лишь продлевает агонию. Милдред утверждает, что Полина, которая уже начинала скучать, буквально обрела второе дыхание.

– Мы должны дать ему время, Филип. Он пробыл здесь всего два дня – я уверена, что в конечном счете он все уладит, он ведь умный.

– Хм... Сомневаюсь.

В глубине души сомневалась и я.

Вскоре появился Дэви, сияющий и оживленный, совсем не похожий на человека семидесяти лет, который не спал до половины четвертого утра.

– Извините, я опоздал. Только что приходил доктор Лекер, чтобы сделать мне инъекцию бычьих мозгов.

– Значит, ты его нашел?

– Он умер. Но его сын продолжает жить в том же самом доме, с тем же самым консьержем. Париж уникален в том смысле, что тут ничего не меняется. Если бы я не потерял книжку с адресами, то обнаружил бы всех тех милых друзей или по крайней мере их детей.

– А что с маркизом и академиком?

– Оба отсутствуют. Надеются увидеть меня, когда я приеду в следующий раз. Лекер был для меня очень важен... Боже мой, каким измученным я чувствовал себя сегодня утром... та жизнь, которую вы тут ведете... я не ложился до четырех часов!

– Я слышала, как ты взвизгивал, – неодобрительно произнесла я.

– Жаль, что ты не зашла. Полина была на пике своего успеха. Мы, в числе прочего, разбирали историю жизни Сумасбродки, и теперь, конечно, все они жаждут познакомиться с тобой.

Филип выразительно посмотрел на меня.

Я спросила:

– Надеюсь, ты хорошо поужинал? – Дэви был привередлив в отношении еды.

– Не очень. Плохо размятый картофель – в наши дни этому нет оправдания. Однако довольно о пустяках, как бы приятны они ни были. Я правильно сделал, что вник в нашу проблему основательно, и, по правде говоря, придумал ее решение только поздно ночью, после нескольких бокалов вина.

– Решение?

– Да. Оно очень простое, но это, надеюсь, ничуть не делает его хуже. Как верно заметил Филип, Полину невозможно выкурить отсюда голодом, как нельзя выкурить и чтением морали.

Мы должны выгнать ее скукой. Проблема, как удержать всех этих герцогов, Ротшильдов и бесчисленных графинь от визитов к ней. С другой стороны, я полагаю, что светская жизнь тут построена на «массовке», на тех мужчинах в белых пиджаках, которые ходят с вечеринки на вечеринку, разнося новости?

– Да, действительно, – кивнул Филип, – и с каждым днем все интенсивнее.

– Вам следует раздобыть одного такого, которого видят на всех больших приемах. «Которого видят» – ключевые слова. Знающего всех в лицо, но, самое главное, они должны хорошо знать, что он их знает. Поставьте его на ступеньках, ведущих в мезонин, с бумагой и карандашом в руках, и велите записывать имена посетителей Полины – он может даже спрашивать их об этом, когда они начнут входить, – причем очень акцентированно, чтобы всем было ясно, что он делает. А тем временем вы, Филип, должны распустить слух, что те, кого заметят среди завсегдатаев мезонина, не будут приглашаться никуда в течение Визита. Я думаю, вы обнаружите, что это сыграет свою роль.

Филип громко рассмеялся – Дэви присоединился к нему, и некоторое время оба покачивались со смеху.

– Чудесно, – произнес Филип.

– Я и сам думаю, что это замечательно.

– Но о каком визите речь? – уточнила я, нервничая.

– Не обязательно конкретизировать, – ответил Филип, который теперь проявлял истинную утонченность характера, принимая план Дэви с искренним одобрением. – Слово «Визит» с большой буквы «В» в Париже действует магически. Для *gens du monde*³⁵ оно как шум битвы для воина. Они никогда не рискнут упустить его, точно храбрый Крийон³⁶, ради того, чтобы просто провести несколько веселых вечеров с Полиной. Прежде было признаком социального краха, если тебя не видят в этом мезонине – отныне же ходить туда станет социальной смертью. Я бы отдал что угодно, чтобы самому додуматься до вашего плана – вы просто гений. Поле будет расчищено через полчаса.

– Все должно быть организовано как следует, – заметил Дэви.

– Да, разумеется. Мы не позволим себе выпалить без подготовки, так оно не сработает. Я позвоню местным сплетникам, каких знаю. Затем пойду и задействую месье Клемана. Он наш человек, железной рукой правит консьержами с авеню дю Буа и главное звено в той округе. Весь Париж его знает. Итак, у меня напряженный день, пожалуй, мне лучше поскорее приступить. Я горячо вас поздравляю, – сказал он Дэви и удалился.

Дэви самодовольно произнес:

– Надеюсь, теперь ты сожалеешь, что подозревала меня в переходе на другую сторону.

– Дэви... я смиренно прошу прощения.

– Впрочем, я не обидчивый. Но ты понимаешь, как все было. Мне пришлось выяснить, что за людей она у себя принимает. Существует много занятных и очаровательных людей, которым наплевать на какой-то Визит и которые не стали бы ожидать, что их туда пригласят, если таковой состоится. Например, доктор Лекер. Однако те ее друзья не такие. Как я уже тебе говорил, я понимаю французов.

---

³⁵ Светские люди (*фр.*).

³⁶ Известный французский военачальник XVI века, которого Генрих IV называл смелым из смелых. Его храбрость стала нарицательной.

Глава 5

План Дэви не мог быть запущен раньше чем через день-два. Когда месье Клеман понял, для какого дела его нанимают, он потребовал серьезное вознаграждение. Указал на то, что знакомые леди Леон используют его то в той, то в другой ипостаси; если они заподозрят его в измене в пользу *les Anglais*³⁷, он может потерять много прибыльных приглашений и сделок, от которых зависит его пропитание. Филип после долгого совещания с ним вернулся, чтобы доложить и объяснить это нам с Дэви, и заметил, что на самом деле ни один парижанин, особенно из тех, кто живет в районе месье Клемана, не отважится настроить его против себя. Во время войны он был королем черного рынка и теперь остался незаменим для таких вещей, как добыча дефицитных билетов на поезд или в театр, и в плане своей способности в два счета удовлетворить любые запросы – от неограниченного количества виски до дипломированной медсестры, не говоря уже о других, более зловещих предметах потребления. Несомненно, будучи на короткой ноге с полицией, месье Клеман знал все о частной жизни обширного сектора местного сообщества. Филип намекнул ему, что он не будет сильно рисковать, выполняя наше поручение, и добавил, что мы со своей стороны обязаны принять в расчет то вознаграждение, которое он получит от людей, желающих, чтобы он держал в секрете тот факт, что они уже собирались посетить леди Леон. После долгих, трудных переговоров и двойного блефа с обеих сторон Филип снизил его запрос до 500 фунтов. На этом они пожали друг другу руки. Месье Клеман, теперь расплывшийся в улыбке, сказал, что, возможно, это кажется дороговатым, но он гарантирует, что работа будет безупречна. Филип затем полетел в Лондон и с трудом убедил сильных мира сего выделить эту сумму из секретных фондов. Все эти переговоры приходилось вести без ведома Альфреда, который, конечно, никогда бы не допустил их.

Наконец сцена была готова. Дэви, Филип и я были зрителями, водворившимися за муслиновыми занавесками у окна в спальне Филипа. Его квартира располагалась над помещением привратника, имела хороший обзор как двора, так и улицы и находилась в выгодной позиции. Отсюда можно было наблюдать и оставаться незамеченным.

– Я так не волновалась со времен одурманивания голавлей с дядей Мэттью³⁸, – призналась я Дэви.

Месье Клеман, с носом пьяницы и подчеркнута скорбной миной, обосновался возле лестницы на мезонин. По какой-то причине не только сам он был одет с головы до ног в чернильно-черное, но и листы бумаги, которые он держал наготове для записывания преступных имен, были с траурной каймой, как те, что выкладывались на французских похоронах, для того чтобы прихожане ставили на них свои подписи. Нет сомнения, что листы эти и были прихвачены с каких-то похорон, как предположил Филип, поскольку месье Клеман служил, конечно, церковным сторожем. (Еще одной его работой по совместительству была должность помощника палача.)

Вскоре группа сплетников леди Леон элегантно профланировала во двор. Пятеро или шестеро, все они, похоже, прибыли вместе и были увлечены беседой. Высокий властный мужчина начал что-то излагать, остальные сгрудились вокруг него, смакуя его слова. Еще два человека вошли с улицы; они присоединились к группе, обменялись с остальными рукопожатиями и были, очевидно, введены в курс дела, после чего рассказчик продолжил свое повествование. Внезапно, поглядев вокруг, словно желая проиллюстрировать какой-то пункт рассказа, он заметил месье Клемана. Резко замолчав, он схватил за руку молодую женщину и указал ей в ту сторону. Все обернулись и посмотрели. Оцепенение. Замешательство. Полет фантазии.

---

³⁷ Англичан (*фр.*).

³⁸ Отсылка к роману Н. Митфорд «В поисках любви».

Бегство. Никогда еще голавли не были так основательно одурманены. Раскрыв рты, они упорхнули прочь и исчезли в людском потоке Фобура.

После этого инциденты следовали один за другим. Известный педераст хлопнулся в обморок, увидев месье Клемана, и был поднят в мезонин. Женщины вскрикивали, лишь немногие сохраняли хладнокровие и требовали разрешения расписаться в нашей книге. Никто другой не приближался к леди Леон. Постепенно интервалы между посетителями становились все длиннее. В восемь часов, когда обычно в мезонине было особенно оживленно, ни одна персона не проходила через наши ворота.

– Трюк удался, – улыбнулся Филип. – Все телефоны в Париже, вероятно, заняты. Пожалуй, я пойду и отдам старому злодею его преступно нажитые деньги, а затем мы сможем поужинать. Хорошая работа! – обратился он к Дэви.

– Должен заметить, я никогда не видел, чтобы пятьсот фунтов были так легко заработаны.

– Месье Клеман ответил бы, подобно художнику Уистлеру, что мы платим за знание жизни.

Теперь леди Леон была покинута своими друзьями, за исключением верной миссис Юнгфляйш, но, к моему огромному разочарованию, все еще не проявляла желания съехать от нас. Она лежала в кровати, совершенно довольная, по словам Дэви, со своим вышиванием, кроссвордом и очень громким граммофоном. Когда я предложила забрать у нее граммофон, поскольку он вовсе не принадлежал ей, а был давным-давно подарен посольству гостившим здесь раджой, Дэви и Филип внушили мне такое чувство вины, будто я какой-то жестокий тюремщик, пытающийся отобрать последнее утешение у прекрасной, несчастной, лишенной свободы принцессы. Бесспорно, меня раздражало выслушивание не столько мелодий Моцарта или военных речей сэра Уинстона Черчилля, которые леди Леон чрезвычайно любила и которые включала на полную громкость, сколько взрывов смеха. По крайней мере, леди Леон не могла обсуждать меня и мою мать с помощью граммофона. Жало ее присутствия было вытасчено хитрым маневром Дэви – теперь, когда никто больше к ней не приближался, можно продолжать поддерживать выдумку о болезни. Честь Альфреда была спасена. Однако меня злило, что Полине по-прежнему непременно надо находиться под моей крышей, а также раздражал факт, что у Дэви вошло в привычку спускаться из своей комнаты, чтобы сыграть с ней в скрабл перед обедом. Но и он, и Филип меня обнадеживали. Они говорили, что Полина скучает и чувствует себя неприкаянно; более того, миссис Юнгфляйш стремилась отправиться в Лондон, чтобы послушать дебаты в Чатем-Хаусе³⁹. Их мнение было таково, что леди Леон не задержится у нас надолго, она просто выжидает удобный момент, чтобы надлежащим образом ретироваться.

– Полина не станет ускользать незамеченной, можете быть уверены. Полагаю, она наймет Республиканскую гвардию, чтобы та сопровождала ее трубами и барабанами.

Я в это время занималась разнообразными проблемами, все еще пребывая без секретаря, тогда как Филип тоже был гораздо больше занят, чем вначале. Дни казались слишком короткими для той сотни дел, за которыми я должна была присмотреть, и в их числе – наш первый прием гостей: коктейльная вечеринка для послов доминионов. При мысли о нем я приходила в ужас, и меня мучили кошмары. Такой нервной я не чувствовала себя со времен своего первого званого обеда, который давала много лет назад в Оксфорде в честь одного профессора, коллеги Альфреда. Это было довольно неразумно, поскольку в плане организации на мою долю приходилось мало дел. Филип составил список, а наш финансовый контролер майор Джарвис заботился о еде и напитках.

---

³⁹ Чатем-Хаус, или Королевский институт международных отношений, – британский аналитический центр в области международных отношений.

– Как люди могут вообще что-то есть между обильным ланчем и еще более обильным обедом? – удивлялась я.

– Вы увидите, что очень даже могут. Вы позаботитесь о цветах, леди Уинчем?

Назначенный день настал. Я купила множество розовых гвоздик (моих любимых цветов) и расставила их в серебряные вазы. Они выглядели так красиво. Потом я поднялась наверх и надела коктейльное платье. Едва ли оно могло считаться элегантным, хотя моя горничная Клэр назвала его стильным, но без особой убежденности. Мне это платье сразу не понравилось, даже на стройной индокитайской манекенщице, но продавщица, навязывая мне платье, похоже, имела поддержку известной английской обозревательницы мира моды и потому убедилась-таки заказать его.

– Не сомневайтесь, – повторяла эта специалистка (показывая фотографию) со своей обычной прямолинейной авторитетностью, – талии ушли навсегда.

Не желая совершить ошибку в отношении платья, стоившего столько же, сколько и мое годовое содержание в прежние времена, я остановила выбор на этом лишенном талии произведении. Однако – делать нечего – теперь я была в нем, старалась надеяться на лучшее и не смотреть на себя в зеркало.

Вечеринка должна была состояться в парадных покоях на первом этаже. Я спустилась вниз и заметила Филипа и Дэви, в веселом настроении, вероятно, после принятия крепких коктейлей. Я поспешила к ним. Они были достаточно добры, чтобы не отпускать замечаний по поводу моего платья, однако принялись подвергать критике мои цветы.

– Как это похоже на вас, Фанни, – почему вы сначала не спросили нас?

– Гвоздики, загруженные в вазы, попросту больше не котируются. Ты что, никогда не слышала о художественной расстановке цветов? Разве ты не знаешь о современной хозяйке и ее хитростях? Натюрморты! Не только цветы, но и ярды красного бархата, чучела зайцев, тыквы, следы кораблекрушения с морского берега, простые травы из живой изгороди и еще бог знает какой хлам! Или же по-японски – простой тростник, хитроумно размещенный, стбит в наше время как пять дюжин роз.

Я не понимала, что они имеют в виду. Будучи однажды приглашенной в дом «диоровского» дона вместе с другими женами (женщины в Оксфорде буквально смешиваются в одну кучу в качестве жен), я заметила множество букетов из камнеломки в урнах, в окружении кочанов капусты на полу, и подумала, что все это выглядит как завершение уборки урожая. Люди же восклицали: «Ваш художественный вкус просто безупречен!»

– Леди Леон тоже этим увлекается? – спросила я.

– Да, конечно. Ее цветовые пристрастия и чувство стиля были предметом зависти всех здешних дам.

– Тем не менее я намерена придерживаться розовых гвоздик.

Альфред присоединился к нам со словами:

– Что это за платье, Фанни? – Это было сказано фальцетом, к которому он порой прибегал, чтобы обозначить, что поддразнивает меня.

– Такая мода.

– Мы здесь не для того, чтобы модничать.

Из холла послышались голоса, начали прибывать наши гости. Мы с Альфредом стояли у камина, ожидая момента выступить вперед, когда гости будут объявлены. Филип предложил взять на вооружение теплые американские, а не холодные английские манеры и сделать все возможное, дабы выглядеть так, словно мы рады видеть гостей.

– Я не могу это сделать, это будет выглядеть фальшиво.

– Тогда просто растягивайте губы в улыбке.

И вот мы стояли там, приготовившись жеманно улыбаться, на глазах короля Георга и королевы Марии, плохих копий посредственных портретов. Я чувствовала, что они не одоб-

ряют моего модного платья, наших улыбок и всей идеи коктейльной вечеринки, но зато оценили гвоздики. Однако в комнату никто не вошел. Я ощущала себя полной идиоткой, торчащей здесь, точно восковая фигура, в ужасном платье и с искусственной улыбкой. В холле явно было множество людей; между ними воцарилась странная тишина. Дэви и Филип направились к двери. Когда они до нее добрались, то посмотрели налево, в сторону входа, а затем, как бы следуя за взглядами остальных, резко повернули головы к лестнице. В таком положении они и застыли.

– Что там такое? – спросил Альфред и направился к ним. Потом он тоже замер, уставившись вверх и слегка приоткрыв рот.

Холл представлял собой сцену, на которой словно разворачивалась картина Успения Пресвятой Девы: масса повернутых кверху лиц, вытаращившихся на лестницу, по которой так медленно, будто почти и не двигаясь, спускалась самая прекрасная женщина в мире. Она была в ниспадающем фалдами одеянии из белого атласа, она искрилась драгоценностями, ее огромные светлые глаза были точно прикованы к чему-то далекому, над головами толпы. Шествуя за ней, двое моих лакеев несли большой граммофон; за ними шла миссис Юнгфляйш, элегантная, в белом льне, с корзинкой на руке. Одновременно прибывали все новые гости. Когда леди Леон спустилась с лестницы, гости разделились на два ряда с проходом посередине; она же, словно особа королевской крови, шла, пожимая руки, справа и слева, и наконец выплыла из дома навсегда.

Глава 6

Очаровательная Норти, как ее описать? Могло ли это существо из *commedia dell'arte*⁴⁰ действительно произойти от соития на жесткой медной гостиничной кровати, где под окном громыхают поезда, старой доброй Луизы и страшно нудного Форт-Уильяма? Некоторые придерживаются мнения, что место зачатия, место рождения, а также имя, данное при крещении, имеют отношение к свойствам личности. Норти, продукт района Кингс-Кросс и клиники Хилл-Вью в Обане, с этим своим именем, является ходячим опровержением данной теории. В ней нет ничего от жительницы Севера – ни расплывчатой нечеткости, ни моментов рассеянности, ни романтичности, ни томления по неведомому. Можно сказать, Норти была типичным продуктом древней цивилизации под лазурными небесами. Не верилось, что у нее отец-шотландец, по возрасту годившийся ей в деды, и предки-пикты⁴¹; тем не менее, конечно же, добрая Луиза не могла... О, нет, выкиньте это из головы! Она была бы не способна изобрести такое богатство деталей, чтобы прикрыть грех. Я склонна думать, что Норти, вероятно, подменишь, что в клинике Хилл-Вью в Обане произошел недосмотр, из-за которого дитя какой-нибудь благородной римской дамы и странствующего актера обменяли на младенца Луизы. Физически она не демонстрировала никакого сходства с другими Макинтошами, имевшими массивное тело, рыжие волосы и веснушки. Норти была как маленькая, изысканная фигурка в эмалированном стекле, с волосами цвета цесарки, а глаза ее – самые живые и выразительные из всех мною виденных, не очень большие и ярко-синие. В моменты волнения или страдания они становились ромбовидными. Когда Норти говорила, то в концентрированном усилии самовыражения задействовала все тело целиком, жестикулируя и извиваясь, как это делают младенцы и щенки. Маленькие, тонкие кисти Норти никогда не лежали спокойно у нее на коленях. Более того, в ней было нечто прельстительное, она излучала душевность, счастье и доброжелательность. С первой минуты, как мы с Альфредом увидели ее, мы очаровались ею.

Норти ворвалась в наш дом, когда мы обедали, усталые и расстроенные после приема для доминионов. Дэви ушел, сказав, что его друг маркиз сейчас находится в Париже. Филип, похоже, должен был встречаться с лондонским биржевым брокером. Оба, как я подозревала, присоединились к леди Леон у миссис Юнгфляйш. Я подумала, что вечеринка полностью провалилась, хотя позднее слышала, будто она была самой успешной из всех, что устраивались в посольстве. Те, кто ее пропустил, бесились от ярости, тогда как те, кто присутствовали, были нарасхват во всем Париже и снабжались бесплатными трапезами в течение нескольких недель. Но поскольку мы с Альфредом не могли обсуждать эту важную тему с нашими гостями, мы были, естественно, последними людьми, с кем они хотели говорить. Они жаждали обменяться мнениями с другими, кто был свидетелем ухода со сцены леди Леон, завести долгую беседу с теми, кто не был, чтобы рассказать им об этом, и, самое главное, покинуть прием, как только позволят приличия, и добраться до телефона. Все были очень вежливы. Действительно, я видела, что дипломаты весьма тактичны, тут надо отдать им должное. После откровенной и прямолинейной грубости, к которой я привыкла в Оксфорде, это было приятно. Возникали и ободряющие моменты, когда, например, кто-нибудь восклицал:

– А! Ирландский посол! Это заслуга сэра Альфреда – ирландский посол никогда не приходил к Леонам.

Посол Нормандских островов похвалил мои гвоздики, главный предмет экспорта его страны, как он мне объяснил. Дивного вида отеллообразный человек, роскошно облаченный в бледно-голубую тафту (чей облик был слегка омрачен торчавшими из-под нее ботинками,

⁴⁰ Комедия дель арте, или комедия масок (фр.).

⁴¹ Конфедерация кельтскоязычных народов, живших на северо-востоке современной Шотландии.

напомнившими мне мои туфли, выглядывавшие из-под китайского халата), пригласил меня посетить его страну и поохотиться на львов. Но вечеринка имела беспокойное подводное течение и определенно не доставила большого удовольствия хозяевам.

Итак, сейчас все это было позади, и мы обедали. Неожиданно в дверях появилась Норти.

– Это я, – промолвила она.

– Дорогая!

– Мне очень жаль, но я попросила их заплатить за такси. Денег нет совсем. Начальнику станции пришлось одолжить мне билет. Да, он у меня был, но я его потеряла.

– Теперь, когда ты здесь, это не имеет значения. Боюсь, твое путешествие было трудным.

– О, кухня Фанни (ты добрая, можно мне так тебя называть?), о Фанни... – Мягкая кожа у нее на лбу сморщилась, как тонкая папиросная бумага; глаза приняли ромбовидное страдальческое выражение, которому предстояло стать мне таким знакомым, и наполнились слезами. Я вспомнила, что говорил Бэзил о частых слезах Норти. – Ты не можешь даже вообразить! На борту были милые молодые бычки. Ты не представляешь, как их жаль, – что с ними делают! Их бедные рога были отпилены – только представь их боль, – и все потому, что без рогов за них получают на фунт больше, и так их можно упаковать плотнее. Я бы хотела сбросить на Ирландию водородную бомбу.

– И убить миллионы коров и всех зверей и птиц, а также ирландцев, которые так обаятельны? – мягко произнес Альфред.

– Обаятельны?

– Да. Им приходится экспортировать этих бычков, чтобы жить. У них нет промышленности.

– Я их ненавижу и презираю.

– Дорогая, не надо так расстраиваться.

– Эти маленькие существа явились в мир, чтобы мы о них заботились. Мы за них в ответе. А как мы к ним относимся? Знаете, ведь они не спят, коровы, у них нет ни минуты покоя. Их отрада – жевать жвачку... никто толком не кормит их во время путешествия... недостаточно воды... четырнадцать часов в поезде после судна, без воды, в такую погоду. А когда они попадают, ну, вы знаете, в это отвратительное место, разве кто-нибудь дает им там воды?

Подобные ситуации тревожили меня всю жизнь. Поскольку я презирала себя за отсутствие силы характера, чтобы делать нечто большее, чем порой отдавать фунт в пользу Королевского общества защиты животных, то старалась в остальное время выкидывать такие мысли из головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.